

...Ошеломляющий дебют о женщинах,
осмелившихся решать за себя.

— LIBRARY JOURNAL

A
WOMAN
IS NO
MAN

ЖЕНЩИНА – НЕ МУЖЧИНА

ИТАФ РАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Итаф Рам

Женщина – не мужчина

Издательство «Синдбад»

2019

Рам И.

Женщина – не мужчина / И. Рам — Издательство «Синдбад»,
2019

ISBN 978-5-00131-395-3

Дейа Раад родилась и живет в Бруклине, Нью-Йорк. Как только ей исполнилось восемнадцать, родные начали подыскивать ей мужа, хотя сама она мечтает об университете, а не о замужестве. Но бабушка с дедушкой уже все решили за внучку – она повторит судьбу своей матери, которую тоже не спрашивали, а в возрасте семнадцати лет выдали замуж и отправили из Палестины в Америку. Родители погибли в автомобильной аварии, когда Дейа с сестрами были совсем маленькими – так она считала до тех пор, пока не получила однажды письмо от неизвестной женщины, не пожелавшей назвать свое имя, но хорошо знающей семью Дейи. Это послание поставило под сомнение все, что Дейа знает о своих близких и собственном прошлом...

«Женщина – не мужчина» – роман о трех поколениях палестинских американок, разрывающихся между строгими нравами традиционного семейного уклада и желанием самостоятельно определять свою судьбу.

ISBN 978-5-00131-395-3

© Рам И., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Отзывы о книге	6
Исра	8
Часть I	19
Дейа	19
Исра	32
Дейа	40
Исра	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Итаф Рам

Женщина не мужчина

© Etaf Rum, 2019

Published in the Russian language by arrangement with *Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency*
and *The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2021

* * *

Реянн и Исе

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Это история о столкновении культур, о доверии и предательстве, о любви и насилии в семье... Но прежде всего это история о мужестве – молодой женщины, борющейся за обретение своего голоса и возможность самой выбирать свое будущее.

– *ENTERTAINMENT WEEKLY*

Страстный призыв противостоять патриархальным ограничениям, указывающим женщинам «их место»... и прекрасная иллюстрация того, что книги способны изменять жизни людей.

– *NEW YORK TIMES*

Дочь палестинских иммигрантов, Итаф часто слышала: «Женщина – не мужчина... ее участь – дом и дети»; она сама была в договорном браке, и ее личный опыт делает повествование предельно искренними невероятно сильным.

– *WASHINGTON POST*

Очень личная, интимная история эпического масштаба, современная и абсолютно вневременная.

– *NEW YORK TIMES BOOK REVIEW*

...Ошеломляющий дебют о женщинах, осмелившихся решать за себя.

– *LIBRARY JOURNAL*

* * *

От рождения – а родилась я холодным, пасмурным днем в Нью-Йорке, в Бруклине, – у меня не было голоса. Все молчали об этой моей особенности. Много лет я даже не подозревала о своей немоте, пока однажды не открыла рот, намереваясь сказать о своих желаниях, – и не осознала, что меня никто не слышит. Там, откуда я родом, безгласие – неотъемлемое свойство моего пола, столь же естественное, как женская грудь, столь же непреложное, как выращивание нового поколения в материнском лоне. Но мы вам об этом, конечно, никогда не скажем. Там, откуда я родом, мы приучили себя к молчанию, полагая, что оно нас спасет. Только теперь, много лет спустя, я поняла, что это неправда. Только теперь, когда я пишу эту историю, я чувствую, что по-настоящему обретаю голос.

Ничего подобного вы никогда раньше не слышали. Сколько бы книг вы ни прочли, сколько бы сюжетов ни знали, поверьте: такого вам никто никогда не рассказывал. Там, откуда я родом, мы держим свои истории при себе. Поведать их миру – неслыханно, опасно, это чудовищный позор.

Зато нас самих вы видели не раз. Прогуляйтесь по Нью-Йорку в солнечный день. Пройдите весь Манхэттен, пока улицы не станут кривыми и извилистыми, как в Старом Свете. Двигайтесь на восток, через Бруклинский мост, пока силуэт Манхэттена не истончится у вас за спиной. На другой стороне будет стоять мертвая пробка. Поймайте желтое такси и на нем доберитесь до Флэтбуш-авеню – центральной артерии Южного Бруклина. Дальше – на юг, сверните на Третью авеню, где здания становятся меньше – три-четыре этажа, старые фасады. Мост Верразано парит на горизонте, словно гигантская чайка, расправившая крылья, манхэттенские

небоскребы маячат вдали чудесным миражом. Продолжайте двигаться на юг, мимо складов, переоборудованных в хипстерские кафе и модные устричные бары, и хозяйственных магазинчиков, которыми уже много поколений владеют одни и те же семьи. Когда американские кафе начнут редеть и их вытеснят вывески на других языках, знайте: вы уже близко. Сверните на восток и пройдите два перекрестка до Пятой авеню. Так вы и попадете в Бэй-Ридж. Наш райончик площадью три квадратных мили – это бруклинский плавильный котел. На наших улицах вы встретите выходцев из Латинской Америки и с Ближнего Востока, итальянцев, русских, греков и азиатов – все они говорят на своих родных языках и чтут свои обычаи. Стены покрыты рисунками и граффити. На окнах и балконах вывешены разноцветные флаги. Воздух наполнен сладким запахом чуррос, шашлыка и ароматических смесей – духом горячего человеческого рагу. Выходите на углу Семьдесят второй улицы и Пятой авеню – вы окажетесь среди булочных, кальянных и лавок, торгующих халяльным мясом. Прогуляйтесь под деревьями, растущими вдоль тротуара Семьдесят второй улицы. Вскоре вы увидите старый таунхаус, ничем не отличающийся от других: выцветший красный кирпич, пыльная коричневая дверь, номер 545. Тут-то наша семья и живет.

Но начинается наша история не в Бэй-Ридже, вовсе нет. Чтобы добраться туда, надо отлестать назад много страниц – в те времена, когда я еще не обрела голоса, когда я еще даже не родилась. Мы пока еще не в доме на Семьдесят второй улице, не в Бруклине, не в Америке. Нам только предстоит подняться на борт самолета, который перенесет нас с Ближнего Востока в этот новый мир, только предстоит взмыть над Атлантикой, только предстоит узнать, что однажды все это с нами произойдет. На дворе 1990 год, и мы в Палестине. Вот откуда надо начинать.

Исра *Бирзейт, Палестина* *Весна 1990*

Почти все семнадцать лет своей жизни Исра Хадид каждый день помогала матери готовить ужин: в теплые дни сворачивала виноградные листья или фаршировала тыкву-спагетти, а когда становилось морозно и виноградники за домом пустели, варила чечевичный суп. Они с мамой стояли у плиты в клубах пара, почти касаясь друг дружки головами, будто делились невесть какими секретами, пока закат не бросит рыжий отсвет в окно. Из окна стоящего на холме дома открывался вид на окрестности: склоны, усеянные красными черепичными крышами и оливковыми деревьями, – всё ярко, густо, буйно. Исра всегда распахивала окна настежь. Она любила аромат фигов и миндаля по утрам, а ночью – шорохи, доносящиеся с кладбищ у подножия холма.

Время позднее, скоро раздастся призыв к вечерней молитве магриб и положит конец кухонным хлопотам. Исра с мамой пойдут в ванную, закатают рукава домашних халатов и смоят с рук густо-красный соус. Исра молилась с семи лет, по пять раз в день опускаясь на колени рядом с мамой. В последнее время она стала предвкушать молитвы: ей нравилось стоять подле мамы, прижимаясь плечом к ее плечу и слегка задевая ногой ее ногу, – только в эти минуты Исра ощущала человеческое прикосновение. А вот и он – тягучий звук азана.

– Молитва сегодня подождет, – сказала мама по-арабски, выглядывая из окна кухни. – У нас гости.

Во входную дверь постучали, и мама бросилась к раковине, спешно ополоснула руки и вытерла их чистым полотенцем. Уже на пороге кухни она спрятала свою хрупкую фигуру под черной тобой, а длинные черные волосы прикрыла хиджабом в тон. Хотя маме было всего тридцать пять, Исре казалось, что она выглядит гораздо старше: от повседневных трудов лицо ее покрылось глубокими морщинами.

Мама поймала взгляд Исры:

– Не забудь смыть с рук чесночную вонь, прежде чем выйдешь к гостям.

Исра помыла руки, стараясь не запачкать розовое платье-кафтан, которое мама велела надеть по этому случаю.

– Как я выгляжу? Все в порядке?

– Хорошо выглядишь, – отозвалась мама с порога. – Хиджаб заколи аккуратно, чтобы волосы не выбивались. Мы же не хотим, чтобы наши гости подумали о тебе что-нибудь не то.

Исра сделала, как ей сказали. Из коридора донесся голос ее отца, Якуба, – он произносил свое обычное «салям», провожая гостей в залу. Скоро он примчится на кухню и потребует воды. Исра заранее достала из буфета три стеклянных стакана и выставила на видное место. Приходящие к ним гости часто жаловались, что дорога к дому очень уж крутая, особенно в такие дни, как сегодня, когда воздух раскален и кажется, что солнце висит всего в паре дюймов над крышей. Исра жила на одном из самых крутых холмов Палестины, на клочке земли, который Якуб, по его словам, купил за вид: мол, когда озираешь мир с вершины холма, ощущаешь себя могущественным, как король. Исра молча слушала отцовские рассказы. Она не посмела бы возразить Якубу, что до могущества им ох как далеко. На самом деле семью ее отца изгнали из их дома в Лидде, недалеко от побережья, когда Израиль вторгся в Палестину, – Якубу в ту пору было всего десять лет. Именно поэтому теперь они жили на окраине Бирзейта, на крутом холме с видом на два кладбища – слева христианское, справа мусульманское. Этот клочок земли никому не был нужен и потому оказался им по карману.

Впрочем, вид на Бирзейт с холма Исра нравился. За кладбищами виднелась школа для девочек, в которой она училась, – четырехэтажное бетонное здание в кружеве винограда, – а дальше, за полем миндаля, мечеть с голубым куполом, где молились Якуб и трое ее братьев, пока они с мамой молились дома. Когда Исра выглядывала из окна кухни, ее неизменно охватывало смешанное со страхом томление. Что там, за пределами их деревни? Ей страстно хотелось покинуть дом и окунуться в неведомый мир, однако привычный уклад обещал спокойствие и безопасность. А в ушах звучал назидательный мамин голос: «Место женщины – дома». Даже вырвись Исра отсюда, она бы все равно не знала, куда пойти.

– Завари чай, – сказал Якуб, заглядывая на кухню, и Исра протянула ему стакан с водой. – Мяты не жалей.

Исра не нужно было об этом напоминать: она знала, как все положено делать. Сколько она себя помнила, перед глазами всегда была мать, которая только и делала, что прислуживала да развлекала. Когда приходили гости, мама ставила на столик в зале коробку шоколадных конфет «Макинтош», а перед пахлавой всегда подавала печеные арбузные семечки. У напитков тоже был свой порядок: сперва мятный чай, затем кофе по-турецки. Мама говорила, что нарушить порядок – значит нанести гостям оскорбление. Так оно и было. Исра как-то слышала рассказ одной женщины: она-де пришла в гости к соседям, а те сразу подали ей кофе. «Я развернулась и ушла, – заявила женщина. – Это ведь все равно, что с лестницы человека спустить!»

Дождаясь, когда мама позовет ее из зала, Исра достала фарфоровый сервиз – красные с золотом чашки. До нее донесся смех Якуба – другие мужчины тоже засмеялись. Исре стало любопытно, над чем они потешаются.

Несколько месяцев назад, на той неделе, когда ей исполнилось семнадцать, Исра вернулась из школы и обнаружила, что Якуб сидит в зале с молодым человеком и его родителями. Каждый раз, когда в памяти всплывал этот день – день, когда ей впервые сделали предложение, – перед внутренним взором сразу вставал Якуб, кричащий на маму после ухода гостей. Отец был в ярости, оттого что она не подала чай в старинном сервизе, который они берегли для особых случаев.

– Еще не хватало прослыть беднотой! – орал Якуб, размахивая растопыренной ладонью.

Мама ничего не ответила, молча улизнула на кухню. Не в последнюю очередь из-за их бедности Якуб так стремился выдать Исру замуж. Сыновья помогали ему возделывать поля и зарабатывать на жизнь, и именно им предстояло передать по наследству родовое имя. А дочь – залетная гостья, которая должна тихо сидеть и ждать, когда другой мужчина взвалит ее, а заодно и все обязанности по ее содержанию себе на шею.

С тех пор Исре сделали предложение еще двое – пекарь из Рамаллы и таксист из Наблуса, – но Якуб обоим отказал. Он все поминал какую-то семью, которая вот-вот приедет из Америки в поисках невесты, и теперь Исра поняла почему: он дождался именно этого жениха.

Исра сама не знала, как отнестись к переезду в Америку – об этой стране она знала разве что по новостям да по книгам из школьной библиотеки. Понятно было только, что нравы на Западе свободнее, чем у них. Это наполняло Исру одновременно радостью и ужасом. Какая жизнь ее ждет, если она уедет в Америку? Приживется ли скромная девушка в такой вольной стране?

Раньше она часто не спала ночами, думая о будущем, пытаясь предугадать, как сложится ее жизнь, когда она покинет дом Якуба. Будет ли муж ее любить? Сколько у нее родится детей? Как она их назовет? Порой она грезилась, что выйдет замуж за любовь всей своей жизни, и они поселятся в маленьком домике на вершине холма, с большими окнами и крышей из красной черепицы. А в иные ночи ей представлялись лица собственных детей, двух мальчиков и двух девочек, обращенные к ней и к мужу, – любящая семья вроде тех, о которых Исра читала в книгах. Но теперь эти мечты ее оставили. Жизнь в Америке Исра воображать не пыталась. Даже не представляла, с какой стороны подступиться к такой фантазии. И это ее пугало.

Вот бы открыть рот и сказать родителям: «Нет! Не хочу я такой жизни!» Но Исра с малых лет усвоила, что послушание – единственный способ завоевать любовь. Поэтому бунтовала разве что тайком, в обществе книг. Каждый вечер, вернувшись из школы, замочив в кастрюле рис, развесив одежду братьев, накрыв на стол, а по окончании ужина помыв посуду, Исра потихоньку уходила к себе в комнату и читала у открытого окна, при бледном свете луны. Читать, как и многое другое, мама запрещала, но тут Исра не считала нужным слушаться.

Она хорошо помнила, как однажды наврала маме, что не нашла на тутовых деревьях ягод, а на самом деле полдня сидела с книжкой на кладбище. Якуб в тот вечер побил ее дважды – в наказание за неповиновение. Обругал *шармудой* – шлюхой. «Я тебе покажу, как не слушаться родителей!» – гаркнул он, приложил ее о стену, а потом принялся охаживать ремнем. Комната растворилась в белом мареве. Все предметы потеряли объем и форму. Она терпела, закрыв глаза, пока тело не одеревенело, пока не отнялись руки и ноги. Когда Исра вспоминала об том дне, ее захлестывал страх – но не только. Еще какая-то странная отвага.

Исра поставила дымящиеся чашки на поднос и пошла в залу. Мама учила: чтобы не потерять равновесие, не смотри на пар, – поэтому она смотрела в пол. На пороге Исра на миг замерла. Краем глаза увидела мужчин и женщин, разместившихся в разных сторонах комнаты. Покосилась на маму – та сидела как обычно: голова опущена, взгляд устремлен на красный турецкий ковер. Исра поневоле засмотрелась на орнамент. Спиральки и завитушки, все одинаково закрученные, непрерывно следующие одна за другой. Исра отвела глаза. Очень хотелось украдкой взглянуть на молодого человека, но она чувствовала, что Якуб смотрит на нее, почти слышала его голос: «Порядочная девушка на мужчин не пялится!»

Не поднимая глаз, Исра все же скользнула взглядом по полу. И заметила носки молодого человека – серо-розовая клеточка, поверху белая стежка. На улицах Бирзейта она никогда ничего подобного не видела. По спине побежали мурашки.

Облака пара поднимались от подноса, скрывая лицо Исры, и она проворно обошла комнату, подавая чай мужчинам. Затем направилась к матери жениха. Темно-синий хиджаб у нее был повязан совсем небрежно – едва прикрывал крашенные хной волосы. Исра никогда не видела, чтобы мусульманка так носила хиджаб в реальной жизни. Подобное могло быть в черно-белых египетских фильмах, которые она смотрела с мамой, или в ливанских музыкальных клипах, где женщины отплясывали в откровенных нарядах, даже на какой-нибудь иллюстрации к любимой книге Исры «Тысяча и одна ночь» – сборнику средневековых сказок народов Ближнего Востока. Но в Бирзейте – никогда.

Чуть наклонившись вперед, Исра заметила, что мать жениха изучает ее. Мать жениха была полная, сутулая, на губах – кривая усмешка, темные миндалевидные глаза чуть прищурены. Судя по выражению ее лица, наружность Исры не очень-то пришлась ей по вкусу. Да что там, мама тоже частенько сетовала, что Исра – девица неказистая: лицо бледное, будто мукой обсыпанное, глаза черные как угли. Единственным ее украшением были волосы – длинные и темные, как Нил. Только вот под хиджабом они никому не видны. Да и какая разница, подумала Исра. Серая мышка – она и есть серая мышка.

Эта мысль и стала последней каплей. Стоя перед матерью жениха, Исра почувствовала, как задрожала верхняя губа. Вцепившись в поднос, она сделала шаг к этой чужой женщине. Она ощущала, что Якуб не сводит с нее глаз, слышала, как он кашлянул, видела, как мама впиалась пальцами в собственные бедра. Но все равно наклонилась к гостю – фарфоровая чашечка дрожала в руке – и спросила:

– Не желаете ли кофе?

Но это не сработало. Американцы, похоже, даже не заметили, что она подала кофе первым. Жених вскоре попросил ее руки, Якуб тут же согласился, и Исра в жизни не видела на отцовском лице такой широкой улыбки.

– Ты каким местом думала? Предложить кофе первым! – кричала мама, когда гости ушли и они с Исрой, вернувшись на кухню, снова встали к плите. – Ты не девочка уже – почти восемнадцать стукнуло! Всю жизнь хочешь просидеть при моей юбке?

– Я переволновалась, – пробормотала Исра, надеясь, что ей не достанется от Якуба. – Это случайно вышло.

– Ну конечно, случайно! – Мама сорвала тобу со своего худого тела. – Как в тот раз, когда ты сыпанула соли в чай Умм Али, потому что она сказала, что ты тощая, как фонарный столб!

– Это правда было случайно...

– Благодарю судьбу, что у них семья не такая строгая, как у нас, – сказала мама. – А то не видать бы тебе Америки!

Исра посмотрела на нее глазами полными слез:

– Как же я буду в этой Америке?..

Мама не подняла взгляда. Сгорбившись над разделочной доской, она резала лук, чеснок, помидоры – неизменные ингредиенты всех их трапез. Исра втянула ноздрями знакомые запахи, захотелось, чтобы мама прижала ее к себе, шепнула на ухо, что все будет хорошо, может быть, даже предложила сшить ей несколько хиджабов на случай, если в Америке их не делают. Но мама молчала.

– Радоваться надо, – сказала она наконец, бросив на сковородку горсть лука. – Бог тебе такую возможность даровал! В Америке тебя ждет хорошее будущее. Уж точно лучше, чем здесь, – она обвела рукой ржавую столешницу, старый чан, в котором они грели воду для мытья, облезлый линолеум. – Ты что, так хочешь жить? Зимой мерзнуть без отопления, спать на какой-то подстилке вместо нормального матраса, никогда досыта не есть?

Исра ничего не ответила, глядя на шипящую сковородку. Мама протянула руку и приподняла ее подбородок:

– Да ты знаешь, сколько девиц не погнушались бы и человека убить, лишь бы оказаться на твоём месте? Лишь бы уехать из Палестины в Америку?

Исра потупилась. Она знала, что мама права, но не могла представить себя в Америке. Беда была в том, что Исра и в Палестине не чувствовала себя как дома – люди здесь жили с опаской, ни на шаг не отступали от старых обычаев, боясь позора. Исра мечтала о большем – о том, чтобы ее не заставляли подчиняться общим правилам, о приключениях, а больше всего о любви. По ночам, дочитав книжку и сунув ее под матрас, Исра лежала в постели и гадала, каково это – любить и быть любимой. Ей даже представлялся какой-то мужчина, хотя лица было не разобрать. Он построит для нее библиотеку, где будут храниться книги ее любимых писателей и поэтов. Они будут читать у окна каждую ночь – Руми, Хафиза, Джебрана. Она будет рассказывать ему о своих сокровенных мечтах, а он – слушать. По утрам она будет заваривать для него мятный чай, а по вечерам варить суп. Они будут гулять по горам, держась за руки, и она будет чувствовать – впервые в жизни, – что достойна любви другого человека. «Посмотрите на Исру и ее мужа, – станут говорить люди. – Любовь – как в сказке!»

Исра откашлялась:

– А как же любовь, мама?

Мама уставилась на нее сквозь пар:

– Что любовь?

– Я всегда мечтала влюбиться.

– Влюбиться? Ты что такое говоришь? Я что, вырастила *шармуту*?

– Нет... нет... – Исра замаялась. – Но что, если мы с женихом не полюбим друг друга?

– Не полюбите друг друга? Да где брак, а где любовь? Ты думаешь, мы с твоим отцом друг друга любим?

Исра опустила глаза:

– Я думала, да... ну хоть немного...

Мама вздохнула:

– Скоро ты поймешь, что в жизни женщины для любви места нет. Тебе только одно понадобится – терпение.

Исра постаралась не выказать разочарования. И проговорила, тщательно подбирая слова:

– Может быть, в Америке женщины живут по-другому...

Мама устремила на нее непонимающий взгляд:

– Как это «по-другому»?

– Не знаю, – ответила Исра как можно мягче, опасаясь рассердить мать. – Может быть, у американцев все не так строго, как у нас. Может, там к женщинам относятся лучше.

– Лучше? – фыркнула мама и, помешивая овощи на сковороде, покачала головой. – Это навряд ли как в твоих сказках?

Исра почувствовала, что краснеет.

– Нет, я не об этом...

– А о чем тогда?

У Исры чесался язык спросить, неужели брак в Америке устроен так же, как у ее родителей: мужчина решает все от и до и колотит женщину, если та ему не угодит. Исре было пять лет, когда она впервые увидела, как Якуб бьет маму. Из-за непрожаренного куска ягнятины. Исра до сих пор помнила мольбу в маминых глазах, заклиняющих: «Не надо!» – и угрюмое лицо Якуба, когда он молотил ее кулаками. На Исру тогда с грохотом обрушилась тьма – мир открылся ей с какой-то совершенно новой стороны. Мир, где бьют не только детей, но и матерей. Той ночью, глядя маме в глаза, слушая ее неуправляемые рыдания, Исра ощутила ярость, которую не могла забыть до сих пор.

Она спросила, по-прежнему обдумывая каждое слово:

– Может быть, женщин в Америке больше уважают?

Мама уставилась на нее:

– Уважают?

– Ну или ценят? Не знаю...

Мама отложила поварешку.

– Послушай меня, дочка. Как бы далеко от Палестины ты ни уехала, женщина всегда остается женщиной. Что здесь, что там. Где бы она ни жила, это не изменит ее *насиб*, ее судьбу.

– Но почему так?

– Ты еще слишком молоденькая, чтобы это понять, – сказала мама. – Но всегда помни, – она взяла Исру за подбородок, – что для женщины не существует ничего, кроме ее *байт ва дар* – дома и хозяйства. Брак и материнство – вот ее предназначение.

Исра кивнула, но все в ее душе противилось услышанному. Упершись руками в бедра, она сморгнула слезы. «Мама ошибается», – сказала она себе. Если ей не удалось обрести счастье с Якубом, это не значит, что Исру ждет та же участь. Она будет любить своего мужа так, как мама никогда не любила Якуба, будет стараться понять его и порадовать – и непременно заслужит его любовь.

Подняв глаза, Исра заметила, что руки у мамы дрожат. По ее щекам катились слезы.

– Мама, ты плачешь?

– Нет-нет. – Она отвернулась. – Лук очень жгучий.

Во второй раз Исра увидела жениха неделю спустя – на церемонии бракосочетания. Звали его Адам Раад. Они лишь на миг встретились глазами, когда мулла зачитывал Священный Коран, а потом еще раз, когда они друг за другом три раза произнесли слово «*кубул*», обозначающее согласие. Подписать брачный договор оказалось делом быстрым и простым – чего не скажешь о хлопотном свадебном торжестве, которое должно было состояться после того, как Исра получит иммиграционную визу. Исра слышала, как Якуб говорил, что это займет всего пару недель, ведь Адам – гражданин Америки.

Пока новоявленный муж курил в саду, Исра украдкой разглядывала его из окна кухни. Адам расхаживал взад-вперед по дорожке перед домом – на лице полуулыбка, глаза прищурены. Издалека казалось, что ему лет тридцать, может, чуть больше: черты лица уже начали суроветь. Над верхней губой – аккуратная щеточка черных усов. Исра представила себе, каково будет с ним целоваться, и почувствовала, как запылали щеки. Адам, подумала она. Адам и Исра. Как ласкает слух!

На Адаме была темно-синяя рубашка и песочного цвета штаны с подворотами на шиколотках. На ногах – ботинки из блестящей коричневой кожи в мелкую дырочку, с прочным, надежным черным каблуком. В них он легко ступал по грязи. В своем воображении Исра нарисовала Адама-мальчишку, босиком гонящего футбольный мяч по улицам Бирзейта. Представить это было нетрудно. Он так шагал по неровной грунтовке, словно вырос на таких же кочках. В каком возрасте он уехал из Палестины? Ребенком? Подростком? Мужчиной?

– Может, пойдете посидите на балконе? – предложил Якуб Исре, когда Адам вернулся. Адам встретился с ней глазами и улыбнулся, обнажив потемневшие от налета зубы. Она отвела взгляд.

– Идите, идите, – сказал Якуб. – Вам надо получше узнать друг друга.

Исра, покраснев, повела Адама на балкон. Тот шел за ней, глядя себе под ноги, засунув руки в карманы. Исре стало интересно: неужели он волнуется? – но она тут же отбросила эту мысль. Он ведь мужчина. О чем ему волноваться?

Было прекрасное мартовское утро. В такую погоду хорошо собирать плоды. Исра как раз недавно подрезала ветви фигового дерева, которое росло у дома и вот-вот должно было зацвести. Рядом с ним стояли два кривеньких миндальных деревца, на которых цветы уже начали распускаться. Исра заметила, как Адам распахнул глаза: вид с балкона восхитил его. Балкон был увит виноградом, и он пробежал пальцами по грозди зеленых завязей, которые к лету набухнут и превратятся в ягоды. Глядя на лицо мужа, Исра задалась вопросом, видел ли он раньше, как растет виноград. Вероятно, только в детстве. Сколько всего ей хотелось у него спросить! Почему они уехали из Палестины? Когда? Как добирались до Америки? Она открыла рот, попыталась найти нужные слова – но не нашла.

На балконе стояли кованые качели. Адам сел на них и выжидающе воззрился на Исру. Она вдохнула поглубже – и устроилась рядом. С качелей открывался вид на кладбища, оба запущенные, и Исра, бросив на них взгляд, покраснела. Лишь бы Адам не подумал, что невеста нищая. Она ухватилась, как за соломинку, за слова, которые любил повторять Якуб: «Все равно, где ты живешь, если твой дом действительно твой. Если он не занят чужаками, если в нем не льется кровь».

Утро было тихое. Некоторое время они просто сидели, любуясь пейзажем. По спине Исры забегали мурашки. Она невольно вспомнила о джиннах, обитающих на погостах и развалинах. Она слышала бесчисленное множество историй об этих сверхъестественных существах, которые якобы способны овладевать людьми. Многие соседки божились, что своими глазами видели нечистую силу, пошаливающую вблизи двух кладбищ. Исра поспешно пробормотала себе под нос молитву. «Не дурное ли это предзнаменование, – подумалось ей, – смотреть на кладбище, когда впервые сидишь с мужем?»

Рядом с ней Адам устремил отсутствующий взгляд вдаль. О чем он думает? Почему молчит? Может, ждет, что она заговорит первой? Да нет, конечно, это он должен начать разговор! Исра стала перебирать в уме беседы между мужчинами и женщинами, о которых читала в книгах. Сперва пара общих фраз, потом рассказы о себе, и вот чувство уже вспыхнуло. Именно так зарождается любовь. По крайней мере, именно так Синдбад-мореход влюбился в принцессу Шеру в «Тысяче и одной ночи». Только вот Шера почти всю сказку провела в обличье птицы. Исра решила не увлекаться.

Адам повернулся и посмотрел на нее. Исра сглотнула, теребя кончики хиджаба. Взгляд Адама зацепился за выбившиеся из-под ткани черные прядки. Он и волос-то ее еще не видел. Исра ждала, что Адам наконец что-нибудь скажет, но он только рассматривал ее. Его взгляд гулял туда-сюда, губы потихоньку разлепились. Что-то в этом взгляде пугало Исру. Напор. Что этот напор означает? В водянистых глазах мужа Исра видела всю череду отпущенных ей дней, уложенных, словно страницы в книге. Вот бы пролистать их и узнать, что ее ждет!

Исра отвела взгляд и снова посмотрела на кладбища. Может, он просто нервничает? А может, она ему не нравится. Вполне может статься. В конце концов, красавицей она никогда не слыла. Глаза – маленькие и темные, подбородок – острый. Мама не раз высмеивала ее нескладные черты: мол, нос длинный, лоб большой. Да, точно, на лоб Адам и смотрит. Исра натянула хиджаб пониже. Может, принести коробку конфет «Макинтош», которая хранится у мамы для особых случаев? Или заварить чай? Она хотела было предложить ему винограда, но вспомнила, что виноград еще не созрел.

Вновь повернувшись к Адаму, Исра заметила, что у него дрожат колени. Внезапно он придвинулся к ней и поцеловал в щеку.

Исра вlepила ему пощечину.

Потрясенная, она ждала, что он примется извиняться: мол, нечаянно вышло, как-то само собой. Но Адам, вспыхнув, молча отвернулся и уставился на могилы.

С огромным трудом Исра заставила себя тоже посмотреть на кладбища. Может, среди надгробных камней есть что-то, чего она не видит, какая-то тайна, которая объяснит происходящее? Вспомнилось, как в «Тысяче и одной ночи» принцесса Шера хотела стать человеком, чтобы выйти замуж за Синдбада. Исра ее не понимала. Если можешь быть птицей, зачем становиться женщиной?

– Он пытался меня поцеловать, – сказала Исра маме, когда Адам и его родня ушли; шепотом, чтобы Якуб не услышал.

– Что значит – пытался тебя поцеловать?

– Он пытался меня поцеловать, а я дала ему пощечину! Мама, прости! Все так быстро произошло, я не успела даже подумать, что делаю! – руки у Исры дрожали, и она зажала их между бедрами.

– Вот и молодец, – сказала мама после долгой паузы. – Нечего ему к тебе лезть, пока свадьбу толком не сыграли. Еще не хватало, чтобы эта американская семейка взялась на каждом углу трубить, что мы вырастили *шармуту*. Мужчины – они такие, пойми. У них вечно женщина виновата. – Мама оттопырила мизинец: – Ни пальца ему не давай!

– Конечно. Ни за что!

– Важнее доброго имени ничего нет. Не позволяй ему тебя лапать!

– Не беспокойся, мама. Не позволю.

На следующий день Адам и Исра отправились на автобусе в Иерусалим, в учреждение, которое называлось Генеральным консульством США, – подавать заявление на иммиграционную визу. Исра переживала, что опять останется наедине с Адамом, но тут ничего нельзя было поделать. Якуб с ними поехать не мог, потому что с палестинской *хавией*, выданной израильскими военными властями, просто так в Иерусалим не попадешь. У Исры тоже была *хавия*, но, поскольку она теперь стала женой американского гражданина, ей легче было миновать блокпосты.

Именно из-за блокпостов Исра никогда не была в Иерусалиме, который, как и большинство палестинских городов, находился под контролем Израиля, а значит, в него нельзя было въехать без специального пропуска. Пропуск проверяли на сотнях блокпостов и застав, которые Израиль понастроил на палестинской земле, ограничив перемещение между городами и

населенными пунктами, а иногда и внутри них. Одни блокпосты охраняли тяжеловооруженные израильские солдаты и танки, другие представляли собой ворота, которые попросту запирались, когда некому было нести вахту. Адам ругался всякий раз, когда они застревали на заставах, злился на дотошный досмотр и дорожные заторы. На каждом контрольно-пропускном пункте он заговаривал с израильскими солдатами по-английски и размахивал американским паспортом. Исра хоть и учила английский в школе, но понимала совсем немного и поражалась тому, как хорошо муж говорит на чужом языке.

Когда они наконец добрались до консульства, пришлось ждать в многочасовой очереди. Исра стояла позади Адама, опустив голову, и открывала рот только тогда, когда к ней обращались. Но Адам все больше молчал, и Исра опасалась, не сердится ли он на нее за ту пощечину на балконе. Она даже подумывала о том, чтобы извиниться, но в глубине души считала, что извиняться ей не за что. Хоть они и подписали исламский брачный договор, он не имел права целовать ее до свадебной церемонии. И все же слово «прости» вертелось у Исры на языке. Она заставила себя проглотить его.

В окошке им сказали, что виза будет готова уже через десять дней. «Теперь Якуб может устраивать свадьбу», – думала Исра, когда они после консульства пошли прогуляться по Иерусалиму. В лабиринте узких улочек Старого города Исру ждало невероятное множество впечатлений. Из открытых брезентовых мешков, выставленных перед магазином специй, пахло ромашкой, шалфеем, мятой и чечевицей, а из ближайшего духана веяло сладким ароматом свежeweыпеченного кнафе. Перед лавкой мясника стояли клетки с цыплятами и кроликами, а в витринах бутиков лежали россыпи позолоченных украшений. На углах старики в кувиях торговали пестрыми платками. Женщины в черном с головы до ног спешили по улицам. На некоторых были вышитые хиджабы, обтягивающие штаны и круглые солнечные очки. На других вообще хиджаба не было – израильтянки, сообразила Исра. Их каблуки стучали по неровным тротуарам. Свистели мальчишки. Машины петляли по узеньким улочкам, сигналив и оставляя за собой шлейф выхлопных газов. Израильские солдаты патрулировали улицы, у каждого поперек стройного торса висела винтовка. Воздух был полон пыли и шума.

На обед Адам купил сэндвичи с фалафелем у торговца, расположившегося со своей тележкой у мечети Аль-Акса. Пока они ели, Исра благоговейно рассматривала позолоченный купол.

- Красиво, да? – спросил Адам с набитым ртом.
- Очень, – отозвалась Исра. – Никогда ее раньше не видела.

Адам уставился на нее:

- Правда, что ли?

Она кивнула.

- Но почему?

– Сюда сложно добираться.

– Я так давно здесь не был, что уже и забыл, каково это. Нас, наверное, на десятке застав остановили. Дурдом!

- А когда вы уехали из Палестины?

Адам ответил, не переставая жевать:

– Мы перебрались в Нью-Йорк в семьдесят шестом, мне тогда было шестнадцать. С тех пор родители пару раз сюда навевывались, но я с ними не ездил – должен же кто-то был оставаться в отцовском магазине.

- А ты когда-нибудь был в этой мечети?

– Конечно. Много, очень много раз. Я ведь хотел стать имамом, когда вырасту. Священником. Однажды летом я провел здесь целый Рамадан. Выучил наизусть весь Коран.

- Правда?

– Ага.

– Так вот чем ты занимаешься в Америке? Ты священник?

– Да нет...

– А что же ты тогда делаешь?

– Управляю магазином.

– Но почему ты не стал имамом? – расспрашивала Ибра, окрыленная тем, что разговор складывается так хорошо.

– Я не мог стать имамом в Америке.

– Как так не мог?

– Нужно было помогать отцу в семейном бизнесе. Тут не до духовной карьеры.

– А-а, – пробормотала Ибра. – Вот уж не думала...

– Чего не думала?

– Мне всегда казалось... – она запнулась, засомневавшись – может, лучше этого не говорить.

– Что?

– Ну, что ты свободен делать что хочешь.

Он удивленно взглянул на нее.

– Ты ведь мужчина.

Адам ничего не ответил, но глаз с Ибры не сводил. Наконец сказал:

– Я и свободен. – И отвернулся.

Ибра разглядывала Адама еще долго после того, как они доели сэндвичи. Она не могла забыть, как лицо мужа словно окаменело, когда он упомянул свою детскую мечту. Эта натужная улыбка... Она представила себе его в мечети во время Рамадана: вот он руководит вечерней молитвой, а вот читает Коран – громким, мелодичным голосом. В ее душе что-то дрогнуло, когда она вообразила, как Адам стоит за кассой, считает деньги и расставляет продукты на полках, хотя мечтал стать главным священником в мечети. И в этот миг, сидя рядом с ним, Ибра впервые подумала, что, возможно, ей не так уж трудно будет его полюбить.

Последний вечер в Бирзейте Ибра провела восседая на золотом стуле: губы накрашены темно-красной помадой, кожи не разглядеть под слоями белой фаты, волосы высоко зачесаны и опрысканы блеск-спреем. Казалось, комната вращается вокруг нее. Стены то росли все выше и выше, так что Ибра становилась почти невидимкой, то опять оседали, словно норовя раздавить ее. Вокруг плясали женщины в пестрых нарядах. Дети толкались по углам, ели пахлаву и пили пепси. Музыка грохотала, как фейерверк. Все весело хлопало в такт ее колотящемуся сердцу. Ибра кивала и улыбалась в ответ на поздравления, а сама боялась, что вот-вот расплечется. Ее мучил вопрос: понимают ли гости, что происходит на их глазах, осознают ли они, что всего через несколько часов она поднимется на борт самолета с мужчиной, которого едва знает, и улетит в совсем чужую страну?

Адам сидел рядом – в новом черном костюме и белой рубашке с пуговицами на воротнике. Он был единственным мужчиной в помещении. Остальные праздновали в другой комнате, подалеже от пляшущих женщин. Даже младшие братья Адама, Омар и Али, которых Ибра впервые увидела за пару минут до свадебной церемонии, сюда не допускались. Она не знала точно, сколько им лет – похоже, чуть за двадцать. Время от времени кто-нибудь из них просовывал голову в дверь – посмотреть, как танцуют женщины, – но его тут же выгоняли обратно. Ибра огляделась в поисках своих братьев – они-то еще малы сидеть с мужчинами. Вон они, резвятся в дальнем углу. Увидит ли она их еще когда-нибудь?

Если мерить радость громкостью, то больше всех радовалась мать Адама. Фарида была женщина крупная, широкоплечая, и Ибре казалось, что даже танцпол сжимается в ее присутствии. Фарида нарядилась в красно-черную тобу с рукавами, расшитыми восточными узорами, а внушительную талию украсила широким поясом из золотых монет. Свои маленькие глаза она подвела черным кайалом. Фарида лихо подпевала каждой песне, вращая в воздухе длин-

ную белую трость. Чуть ли не каждую минуту она подносила руку ко рту и издавала *зугрету* – громкий, пронзительный звук. Ее единственная дочь, Сара, лет одиннадцати на вид, бросала на сцену лепестки роз. Вылитая мать, только юная и стройная: темные миндалевидные глаза, буйные черные кудри, пшенично-золотистая кожа. Исра живо представила себе ее через несколько лет: миниатюрная фигурка, тонущая в белом свадебном платье, сидящая, как сидит сейчас Исра. Ее передернуло.

Исра поискала глазами собственную мать. Притулившись в углу, она то сплетала, то расплетала пальцы. С самого начала торжества мама еще ни разу не вставала с места. «Почему она не танцует?» – задумалась Исра. Может быть, ей слишком грустно, чтобы танцевать? Или боится, что ее не так поймут? В детстве Исра не раз слышала, как женщины осуждали мать невесты за то, что та слишком буйно веселится на свадьбе, слишком радуется, что наконец-то сбылась дочь с рук. Неужели мама втайне тоже рада от нее избавиться?

Адам ударил в барабан *дарбуку*. Вздвогнув, Исра оторвала взгляд от мамы. И увидела, как Фарида передала Адаму белую трость и потащила сына на танцпол. Он принялся отплясывать с тростью в одной руке и с *дарбукой* в другой. Музыка гремела так, что можно было оглохнуть. Женщины вокруг хлопали, с завистью поглядывая на Исру, как будто она завладела чем-то таким, что по праву принадлежало им. Она почти слышала их мысли: «За что дурнушке такое везение? Лучше бы моя дочка уехала в Америку!»

Пришло время жениху и невесте станцевать вместе. Танцевать Исра не очень-то умела. Хотя мама вечно ворчала, что на праздниках надо плясать, чтобы создать о себе хорошее впечатление, чтобы на нее обратили внимание матери женихов, Исра никогда ее не слушала. Она не могла так свободно двигаться, так выставлять себя напоказ – все ее естество противилось этому. Но Адам, похоже, никакой неловкости не ощущал. Он скакал на одной ноге, заведя одну руку за спину, а в другой сжимая трость, рассекающую воздух. На шее у него был палестинский флаг, на голове красная бархатная шапка-*тарбуш* – Исре подумалось, что Адам похож на султана.

– Двигай руками, – беззвучно шепнул он.

Она подняла обе руки выше талии, выгнула запястья. И заметила, что Фарида одобрительно закивала. Их окружила стайка женщин, поводящих руками в такт *дарбуке*. На них были красные узорчатые тобы, на бедрах звенели золотые монеты. Некоторые держали горящие круглые свечи. Другие проделали все десять пальцев в дужки подсвечников – в воздухе мельтешили мерцающие руки. Одна женщина водрузила на себя целую корону из свечей – казалось, голова у нее в огне. Танцпол сверкал ярче любой люстры.

Музыка смолкла. Адам взял Исру за локоть и повел ее прочь с танцпола. Фарида последовала за ними с белой корзиной в руках. Исра надеялась, что сможет вернуться на свое место, но Адам остановился посреди сцены.

– Повернись к людям, – велел он.

Фарида открыла корзину и показала гостям: внутри были россыпи золотых украшений. По толпе пронеслись охи и ахи. Фарида принялась передавать Адаму по одному украшению, а он надевал их на Исру. Исра смотрела на его руки. Пальцы были длинные и толстые, она едва сдерживала себя, чтобы не отшатнуться. Скоро ее шея была увешана тяжелыми ожерельями, крупные монеты холодили кожу. Браслеты опутали ее запястья, как веревки, кольца унизали пальцы, серьги-монеты больно оттягивали мочки ушей. Отдав сыну двадцать седьмое украшение, Фарида подбросила пустую корзину в воздух и издала очередную *зугрету*. Толпа разразилась воплями ликования, а Исра стояла перед ними, вся в золоте, не в силах пошевелиться, как манекен в витрине.

Она не знала, что готовит ей судьба, и узнать было не в ее власти. При мысли об этом она содрогнулась от ужаса. «Но это не навсегда», – напомнила Исра себе. Наверняка в будущем она сможет лучше распоряжаться своей жизнью. Скоро она окажется в Америке, стране свободных

людей, где ее, возможно, ждет любовь, о которой она всегда мечтала, где она сможет жить лучше, чем мать. Исра улыбнулась, окрыленная надеждой. И может быть, годы спустя, если Аллах дарует ей дочерей, они тоже смогут жить лучше, чем их мать.

Часть I

Дейа Бруклин Зима 2008 года

Дейа Раад стояла в своей комнате у окна, прижав ладони к стеклу. На дворе был декабрь, и все запорошило снегом: шеренги старых кирпичных домов, жухлые лужайки, голые платаны, растущие у тротуара, машины, припаркованные вдоль Семьдесят второй улицы. Да и в комнате ярко только и было что корешки книг да малиновый кафтан. Это платье, с богатой золотой отделкой на груди и рукавах, ее бабка, Фарида, сшила специально для случаев вроде сегодняшнего: в зале Дейю дожидался жених. Уже четвертый за этот год. Первый двух слов связать не мог по-английски. Второй недавно развелся. Третьему нужна была грин-карта. Восемнадцатилетняя Дейа еще училась в выпускном классе, но бабушка с дедушкой считали, что хватит уже откладывать то, чему ей предстоит посвятить жизнь: замужество, детей, семью.

Не притронувшись к кафтану, она вместо него натянула серый свитер и синие джинсы. Три младшие сестры пожелали ей удачи; бодро улыбнувшись, она вышла из комнаты и отправилась наверх. Когда ей делали предложение в первый раз, Дейа попросила бабушку, чтобы сестры тоже при этом присутствовали.

– Незачем мужчине видеть четырех сестер сразу, – возразила тогда Фарида. – Старшая должна выйти замуж первой.

– А если я не хочу выходить замуж? – спросила Дейа. – Почему вся моя жизнь должна вертеться вокруг мужчины?

Фарида даже не подняла глаз от чашки кофе.

– Потому что ты должна стать матерью и родить детей. Можешь ворчать сколько угодно, но что ты будешь делать в этой жизни, если не выйдешь замуж? Если у тебя не будет семьи?

– Мы не в Палестине, *тема*¹. Мы в Америке живем. Тут для женщин много возможностей.

– Чушь. – Фарида вгляделась в гущу на дне чашки. – Какая разница, где мы живем! Главное – хранить наши обычаи. Единственная твоя забота сейчас – это найти хорошего мужчину, кормильца для тебя и твоих будущих детей.

– Но есть ведь и другие пути, *тема*. И потом, мне не понадобится никакой кормилец, если ты разрешишь мне поступить в колледж. Тогда я смогу сама себя обеспечивать.

Тут Фарида уставилась на нее:

– Рехнулась? Нет, нет, ни в коем случае! – Она с отвращением потрясла головой. – Ни о каком колледже и речи быть не может! Да и кто захочет жениться на девушке, которая учится в колледже?

– А что в этом такого? Или мужчинам нужна дурочка, которой можно будет командовать?

Фарида тяжело вздохнула:

– Пойми, так устроена жизнь. Так было всегда. Спроси кого хочешь, тебе любой человек скажет. Самое важное для женщины – это замужество.

Всякий раз, прокручивая в голове этот разговор, Дейа представляла, что ее жизнь – это просто такая книга: есть сюжет, конфликт, напряжение постепенно нарастает, но в конце все счастливым образом разрешится, пусть пока хеппи-энда и не видно. Она часто так фантазиро-

---

¹ Бабушка

вала. Гораздо легче было считать жизнь вымыслом, чем принять ее такой, какая она была, – лишенной свободы. В вымышленной истории перед Дейей открывалось бесчисленное количество возможностей. В вымышленной истории она решала сама за себя.

Дейя долго стояла и, колеблясь, смотрела в темноту лестничного пролета, пока наконец не поднялась – очень медленно – на первый этаж, где жили бабушка с дедушкой. На кухне она заварила в кувшине ибрике мятный чай. Разлив его по пяти стеклянным чашкам, поставила их на серебряный поднос. Еще в коридоре Дейя услышала из залы голос Фариды, провозглашающей по-арабски:

– Да она готовит и убирается лучше, чем я!

В ответ раздался одобрителный гул. Бабушка то же самое говорила и другим женихам, да только это не помогало. Все они, познакомившись с Дейей, шли на попятную. Каждый раз, поняв, что свадьба не сладилась, что не *насиб*, не судьба, Фарида принималась хлестать себя по щекам и раздражалась бурными рыданиями – она нередко устраивала такие театральные сцены, чтобы добиться послушания от Дейи и ее сестер.

Дейя несла поднос по коридору, стараясь не глядеть на свое отражение в развешанных по стенам зеркалах. Бледная девушка с угольно-черными глазами и губами цвета инжира, грива темных волос разметана по плечам. В последнее время ей казалось, что чем больше она вглядывается в свое лицо, тем меньше видит. Впрочем, так было не всегда. Когда Фарида впервые заговорила с ней о замужестве – давным-давно, еще в детстве, – Дейя восприняла это как нечто само собой разумеющееся. То, что бывает со всеми девочками, когда они вырастают и становятся женщинами. Тогда она еще не знала, что это значит – стать женщиной. Не понимала, что это значит – выйти замуж за едва знакомого человека, не понимала, что в замужестве, и только в нем, заключено ее предназначение. Только став старше, Дейя по-настоящему осознала свое место в обществе. Она усвоила, что есть определенный образ жизни, ей предписанный, определенные правила, которым она обязана следовать, и что, будучи женщиной, она никогда не получит законного права распоряжаться своей судьбой.

Натянув на лицо улыбку, Дейя вошла в залу. Там царил полумрак, все окна были занавешены толстыми красными шторами, которые Фарида сшила в тон к бордовому диванному гарнитуру. Дедушка и бабушка сидели на одном диване, гости – на другом, и Дейя поставила сахарницу на столик посередине. Ее взгляд был устремлен в пол, на красный турецкий ковер, который лежал в доме дедушки и бабушки с тех пор, как они переехали в Америку. По краю ковра шел орнамент: золотые завитки без начала и конца, сплетающиеся в непрерывный узор. То ли орнамент со временем стал крупнее, то ли сама она стала мельче. Запутавшись в завитках взглядом, Дейя почувствовала, как закружилась голова.

Жених, когда Дейя подошла, поднял глаза и уставился на нее сквозь мятный пар. Она подавала чай, не глядя на него, хотя чувствовала на себе его неотрывный взгляд. Его родители и ее дедушка с бабушкой тоже следили за ней. Одновременно ее пронзали пять пар глаз. Что они видят? Тень человека, кружащую по комнате? Может, и того меньше. Может, вообще ничего не видят – только поднос, который парит в воздухе и подплывает поочередно ко всем гостям, пока не опустеет чайник.

Она подумала о своих родителях. Что бы они делали, если бы были сейчас здесь, с ней? Улыбались бы, представляя ее в белой фате? Настаивали бы, как дедушка с бабушкой, чтобы она повторила их путь? Дейя закрыла глаза в надежде ощутить их рядом – но кругом была пустота.

Дедушка Халед резко повернулся к ней и откашлялся.

– Может, пойдете посидите на кухне? – предложил он. – Узнаете друг друга получше.

Сидевшая рядом Фарида бросила на Дейю тревожный взгляд. На лице у нее было написано: «Улыбайся. Веди себя как подобает. Не спугни его, как других».

Дейе вспомнился последний жених, отказавшийся от своего предложения. Он заявил дедушке и бабушке, что она держится слишком дерзко и задает слишком много вопросов. Мол, не так должна вести себя арабская девушка. Ну, а на что рассчитывали дедушка с бабушкой, переезжая в чужую страну? Что их дети и внуки вырастут настоящими арабами? Что Америка не оставит на них отпечатка? Не ее вина, что она ведет себя не совсем по-арабски. Она всю жизнь прожила на перепутье двух культур. Вот и не стала толком ни арабкой, ни американкой. И там чужая, и здесь. Поди разбери, кто она такая.

Вздыхнув, Дейа встретила взглядом с женихом.

– Пойдем.

Только когда они уселись за кухонный стол друг напротив друга, она наконец-то его разглядела. Высокий, полноватый, на подбородке щетина. Золотисто-коричневые, как орех пекан, волосы зачесаны ото лба набок. «Этот посимпатичнее предыдущих», – подумала Дейа. Он открыл рот, словно бы намереваясь заговорить, но не издал ни звука. Но несколько секунд спустя все же откашлялся и представился:

– Насер.

Она зажала ладони между колен, стараясь вести себя как подобает.

– Дейа.

Повисло молчание.

– Я, эм-м... – Он запнулся. – Мне двадцать четыре. Учусь на врача. Пока доучиваюсь, работаю у отца в магазине.

Она медленно, неохотно улыбнулась. По любопытству на его лице было видно, что Насер ждет от нее того же самого – что Дейа поведаст о себе в общих словах, обрисует парой фраз свою жизнь. Но поскольку она молчала, Насер спросил:

– А ты чем занимаешься?

Понятно было, что вопрос задан из вежливости. Они оба знали, что молодая арабская девушка не занимается *ничем*. Разве что готовит, убирает да смотрит свежие турецкие сериалы. Может, бабушка давала бы им с сестрами больше свободы, живи они дома, в Палестине, в окружении своих. Но здесь, в Бруклине, Фарида только и могла, что держать внучек в четырех стенах и молиться, чтобы они остались порядочными девушками. Чистыми. Настоящими арабками.

– Да так, особо ничем, – ответила Дейа.

– Ну, что-то же ты делаешь. Хобби у тебя, например, есть?

– Я люблю читать.

– И что ты читаешь?

– Да все подряд. Без разбора. Времени у меня навалом.

– С чего это? – нахмурился он.

– Бабушка нам мало что разрешает. Ей и книги-то мои не по душе.

– Почему?

– Она считает, что книги оказывают дурное влияние.

– А-а. – Насер покраснел, словно наконец все понял. И, помявшись, продолжил: – Мать сказала, ты ходишь в исламскую школу для девочек. В каком ты классе?

– В выпускном.

Он снова помолчал. Поерзал на стуле. Почему-то Дейе было легче от того, что он нервничает. Она перестала втягивать голову в плечи.

– Хочешь потом в колледж? – поинтересовался Насер.

Дейа взглядела в его лицо. Ее никогда не спрашивали о колледже так, как спросил Насер. Обычно этот вопрос звучал как угроза, словно, если она ответит «да», нарушится мировая гармония. Словно ничего ужаснее девушка удумать не может.

– Хочу, – призналась она. – Мне нравится учиться.

Насер улыбнулся:

– Завидую. Я всегда учился не ахти.

Дейа пристально посмотрела на него.

– Тебе не нравится?

– Что не нравится?

– Что я хочу в колледж.

– Нет. Почему мне это должно не нравиться?

Дейа вглядывалась в лицо Насера и никак не могла решить, верить ему или нет. Может, он только притворяется, что не против колледжа, чтобы она подумала, будто бы он не такой, как предыдущие женихи, – более прогрессивный. Может, он говорит ей именно то, что, по его мнению, она хочет услышать.

Дейа выпрямилась на стуле. Не отвечая на вопрос Насера, она, в свою очередь, поинтересовалась:

– А почему ты учишься не ахти?

– Учеба мне никогда особо не нравилась, – ответил он. – Но родители настояли, чтобы после колледжа я поступил в медицинский. Хотят, чтобы я стал врачом.

– А ты хочешь стать врачом?

Насер засмеялся:

– Не очень. Я бы лучше семейным бизнесом занимался. Может, и собственное дело когда-нибудь открыл бы.

– А ты родителям это говорил?

– А как же. Но они заявили, что я должен выучиться – если не на врача, то хотя бы на инженера или на юриста.

Дейа во все глаза смотрела на него. Во время подобных посиделок она не испытывала ничего, кроме злости и раздражения. Один жених только и рассказывал, сколько денег зашибает у себя на заправке; другой устроил допрос с пристрастием: как она учится, готова ли сидеть дома и воспитывать детей, согласна ли носить хиджаб постоянно, а не только в школу?

У Дейи тоже было что спросить. *Как ты будешь обращаться со мной, если мы поженимся? Дашь ли мне осуществить мои мечты? Или запрешь дома одну с детьми, а сам будешь пропадать на работе? Будешь ли ты любить меня? Считаешь своей собственностью? Бить?* Она могла бы сказать все это вслух, но знала, что услышит в ответ лишь то, что жаждет услышать. Если хочешь понять человека, надо не слушать слова, которые он произносит, а вглядеться в него попристальней.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил Насер.

– Да я просто... – Она опустила взгляд на собственные пальцы. – Меня удивляет, что родители заставили тебя пойти учиться. Я думала, они дают тебе свободу выбора.

– С чего ты взяла?

– Ну как же. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты ведь мужчина.

Во взгляде Насера мелькнуло любопытство.

– Ты правда так думаешь? Если я мужчина, то могу делать что хочу?

– Так устроен мир, в котором мы живем.

Он подался вперед, опершись на стол. Никогда еще Дейа не оказывалась так близко к мужчине. Она откинулась на спинку стула и крепче зажала ладони между колен.

– Чудная ты, – сказал Насер.

Дейа почувствовала, что краснеет, и отвела глаза.

– Только при моей бабушке этого не говори.

– Почему? Я в хорошем смысле.

– Она ничего хорошего в этом не видит.

Повисло молчание. Насер придвинул к себе чашку.

- Ну так что же, – сказал он, отхлебнув чаю. – Как ты представляешь свое будущее?
- Что?
- Чего ты хочешь от жизни, Дейа Раад?

Дейа невольно рассмеялась. Как будто имеет какое-то значение, чего она хочет. Как будто от нее хоть что-то зависит... Будь ее воля, она отложила бы замужество лет на десять. Подала бы документы на зарубежную стажировку, собрала вещи и уехала в Европу – в Оксфорд, например – и сидела бы целыми днями в кафе и библиотеках с книжкой в одной руке и ручкой в другой. Стала бы писательницей, помогала бы людям постигать мир с помощью придуманных ею историй... Но от нее не зависело абсолютно ничего. Дед с бабкой запрещали даже думать о колледже до замужества, а Дейа не хотела с ними ссориться – ведь тогда она на всю арабскую общину прослышет невесть кем. Что она будет делать, если с ней перестанут разговаривать, запретят видеться с сестрами, отлучат от дома и семьи? Другого-то дома и другой семьи у нее все равно нет. Дейа и так ощущала себя одинокой и брошенной – у нее не хватило бы духу порвать последние родственные узы. Она боялась жизни, которую готовили ей дед с бабкой, но еще больше боялась неизвестности. Поэтому задвинула свои мечты подальше и делала что скажут.

– Я просто хочу быть счастливой, – сказала она Насеру. – Вот и все.

– Ну, это дело нехитрое.

– Неужели? – Она снова посмотрела ему в глаза. – Тогда как так получается, что я ни одного счастливого человека не видела?

– Да наверняка видела. Взять, к примеру, твоих дедушку и бабушку – они же счастливы. Дейа с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза.

– *Тема* целыми днями жалуется на жизнь: мол, дети ее бросили, – а *сидо*² и дома-то почти не бывает. Поверь мне. Они несчастные люди.

Насер покачал головой:

– Может, ты слишком строго судишь?

– Да разве? Вот твои родители – они счастливы?

– Конечно, счастливы.

– И любят друг друга?

– Конечно, любят! Они женаты больше тридцати лет.

– Это ни о чем не говорит, – хмыкнула Дейа. – Мои бабушка с дедушкой женаты больше пятидесяти – и на дух друг друга не переносят.

Насер промолчал. Судя по выражению его лица, Дейин мрачный настрой ему не нравился. Но что еще ей сказать? Солгать, что ли? Хватит с нее и того, что ее заставляют жить жизнью, которой она жить не хочет. Неужели брак должен начинаться со лжи? Тогда чем он кончится?

Наконец Насер откашлялся.

– Знаешь, – проговорил он, – только потому, что ты не видишь счастья в жизни твоих дедушки и бабушки, нельзя утверждать, что они не счастливы. Счастье ведь у каждого свое. Взять мою мать – она превыше всего ценит семью. Она счастлива, потому что у нее есть муж и дети. Но, конечно, семья нужна не каждому. Некоторые не могут без денег, некоторые – без друзей. Все люди разные.

– А тебе что нужно? – осведомилась Дейа.

– В смысле?

– Что тебе нужно для счастья?

Насер закусил губу.

– Финансовая стабильность.

---

² Дедушка

– Деньги?

– Нет, не деньги. – Он помолчал. – Я хочу устроить себе надежную карьеру и жить с комфортом. Может быть, даже на пенсию уйти пораньше.

Дейа поморщилась:

– Работа, деньги – какая разница...

– Может, и так, – согласился Насер, покраснев. – Ну, а ты что ответишь?

– Ничего.

– Это нечестно! Ты должна ответить. Что тебя сделает счастливой?

– Ничего. Меня ничего не сделает счастливой.

Он удивленно моргнул:

– Как это – ничего? Ну хоть что-нибудь-то должно!

Дейа отвернулась к окну. Насер не сводил глаз с ее лица.

– Я не верю в счастье.

– Неправда. Просто ты пока еще его не нашла.

– Нет, это правда.

– Это из-за... – Он запнулся. – Из-за твоих родителей?

Дейа видела, что Насер пытается поймать ее взгляд, но упрямо глазела в окно.

– Нет, – солгала она. – Они тут ни при чем.

– Тогда почему ты не веришь в счастье?

Все равно не поймет, объясняй не объясняй. Дейа повернулась к нему:

– Просто не верю, и все.

Насер мрачно смотрел на нее. Интересно, что он видит? Догадывается ли он, что если ее вскрыть, то внутри, прямо за ребрами, обнаружится всего-навсего сгусток гнили и грязи?

– По-моему, на самом деле ты так не считаешь, – наконец сказал он и улыбнулся. – Знаешь, что мне кажется?

– Что?

– Мне кажется, ты просто притворяешься, чтобы посмотреть на мою реакцию. Проверь, сбегу я или нет.

– Интересная теория.

– А я уверен, что так оно и есть. Подозреваю, ты часто так делаешь.

– Делаю что?

– Отталкиваешь людей, чтобы они не причиняли тебе боль.

Дейа отвернулась.

– Да ладно, брось. Ты не обязана в этом признаваться.

– Мне не в чем признаваться.

– Ну вот и замечательно. Но все-таки можно я скажу тебе одну вещь?

Дейа посмотрела на него.

– Я не причиню тебе боли. Обещаю.

Она улыбнулась через силу. Если бы и впрямь можно было ему довериться! Но она понятия не имела, как это – довериться.

Фарида влетела на кухню, едва Насер ушел. Ее миндалевидные карие глаза были широко распахнуты и вопрошали: понравился ли жених Дейе? понравилась ли она ему – как ей показалось? согласна ли она принять его предложение? Дейе уже не в новинку было отказывать женихам, «нет» вертелось у нее на языке. Но обычно жених ее опережал. Когда родители вежливо сообщали, что свадьбы не будет, Фарида сперва рыдала и хлестала себя по лицу, но потом принималась за дело с еще большим остервенением. Несколько телефонных звонков – и к концу недели уже находился следующий кандидат.

Но в этот раз все вышло иначе.

– Кажется, он тебя не испугался, – с ухмылкой заявила Фарида с порога кухни. На ней было красное с золотом платье, которое она всегда надевала, когда приходили женихи, голова небрежно обмотана кремовым платком. Она подошла к внучке. – Его родители сказали, что хотели бы в скором времени прийти еще раз. Что скажешь? Насер тебе понравился? Передать, что ты согласна?

– Не знаю, – сказала Дейа, бросая на стол мокрое полотенце. – Мне нужно время подумать.

– Подумать? Да о чем тут думать-то? Ты радоваться должна, что у тебя еще выбор есть! Некоторым девушкам везет куда меньше – вот как мне, например.

– Это не выбор, – пробормотала Дейа.

– Ну, здравствуй! А что же это еще такое? – Фарида провела пальцами по столешнице, чтобы убедиться, что она чистая. – Меня родители не спрашивали, хочу ли я замуж за твоего деда. Сказали: иди, и я пошла.

– Но у меня-то родителей нет, – отозвалась Дейа. – Ни дядь, ни тетя – никого, кроме сестер!

– Глупости. У тебя есть мы, – отрезала Фарида, но в глаза Дейе предпочла при этом не смотреть.

Дед с бабкой растили Дейю и трех ее сестер с тех пор, как Дейе исполнилось восемь. Уже много лет они жили всего-то шестером, а не большой многопоколенной семьей, как принято у арабов. Дейю часто грызло одиночество, особенно во время Ураза-байрама, когда они с сестрами сидели дома, зная, что никто в этот большой праздник не придет к ним в гости. Одноклассницы наперебой хвастались, кто как отмечал, кому сколько подарков и денег перепало от родственников, – а Дейа лишь улыбалась, как будто и у них с сестрами все точно так же. Как будто у них тоже есть дяди, тети и другая любящая родня. Как будто у них есть семья. Но на самом деле никакой семьи у них не было, и они понятия не имели, каково это. У девочек были только они сами да бабушка с бабушкой, которые растили их из чувства долга.

– Насер будет хорошим мужем, – сказала Фарида. – Станет врачом. Будешь как сыр в масле кататься. Надо быть полной дурой, чтобы ему отказать. Такие предложения не каждый день делаются!

– Но мне всего восемнадцать, *мета*. Я еще не готова идти замуж.

– Да как будто я тебя в рабство продаю, ей-богу! Любая мать стремится выдать дочерей замуж. Вот скажи мне, ты знаешь хоть одну девушку, чья мать не озабочена поиском жениха – в точности как я?

Дейа вздохнула. Тут не поспоришь. Большинство ее одноклассниц за месяц успевают посидеть с несколькими женихами, и никто из них, похоже, не против. Они красятся, выщипывают брови и, похоже, ждут не дождутся, когда за ними явится суженый. Некоторые уже помолвлены и через не хочу дотягивают последний год в школе. Словно есть в грядущем замужестве что-то настолько увлекательное, что никакое образование и в сравнение не идет. Дейа часто смотрела на них и думала: «Неужели вам больше ничего не надо? Ведь должно же быть в жизни что-то еще!» Но потом мысли сворачивали в другое русло, ее охватывали сомнения. Дейе начинало казаться, что, может быть, одноклассницы и правы. Может быть, и впрямь кроме замужества в жизни ничего нет.

Фарида нависла над ней, качая головой:

– Ну почему ты все усложняешь? Чего тебе еще надо?

Дейа посмотрела ей в глаза:

– Я тебе уже говорила! Я хочу поступить в колледж!

– Аллах милосердный! – бабушка отшатнулась. – Снова-здорово! Сколько раз тебе повторять? Никакого колледжа, пока ты живешь в этом доме! Если муж разрешит тебе получить

образование после свадьбы, его право. Но мой долг – позаботиться о вашем будущем, пристроив вас с сестрами замуж за хороших людей.

– Раз ты заботаешься о моем будущем, почему не разрешаешь мне поступить в колледж? Почему позволяешь какому-то чужому человеку решать мою судьбу? А что, если он будет как *баба*³? Что, если...

– Придержи язык! – рявкнула Фарида. Верхняя губа у нее дернулась. – Сколько раз тебе говорить: я не желаю ничего слышать о твоих родителях!

Видно было – Фарида едва сдерживалась, чтобы не залепить внучке оплеуху. Но Дейа не просто так боялась. В свое время она достаточно насмотрелась на мать, чтобы понять, что сама так жить не желает.

– Мне страшно, *тета*, – прошептала Дейа. – Я не хочу выходить замуж за человека, которого не знаю.

– Свадьба должна быть по договоренности, так принято, – сказала Фарида. – То, что мы живем в Америке, ничего не меняет. – Она покачала головой и полезла в шкафчик за чайником. – Если ты так и будешь отвергать жениха за женихом, то оглянуться не успеешь, как превратишься в перестарку. Тогда уже никто на тебя не позарится, и всю оставшуюся жизнь ты проведешь в этом доме со мной. – Она встретилась глазами с внучкой. – Ты же видела, что бывает, когда девушки перечат родителям и отказываются идти замуж – или, хуже того, разводятся! И где они сейчас? Живут в родительском доме, глаз не смеют поднять – стыдоба! Ты этого хочешь?

Дейа отвернулась.

– Послушай, Дейа. – Голос Фарида стал мягче. – Я же не требую, чтобы ты вышла за Насера прямо завтра. Посиди с ним еще разок, узнай его поближе.

Дейа ни за что бы не признала, что Фарида права, но поневоле начала сомневаться. Может, ей и впрямь пора замуж? Может, стоит принять предложение Насера? В бабушкином доме у нее все равно будущего нет. Ее даже в магазин за продуктами одну еле отпускают. «Женщина не мужчина», – вечно твердит Фарида. Да и потом, Насер, кажется, славный. Уж точно лучше всех прочих, кого она перевидала за эти месяцы. Если не он, то кто? В конце концов, на ком-то придется остановиться. Нельзя отказывать бесконечно. Иначе Дейю ославят – и сестер вместе с ней. Она уже почти слышала, как будут шушукаться соседи: «Это дурная девушка. С ней не стоит иметь дело. Есть в ней какая-то червоточина».

И то правда. Червоточина в ней действительно есть: она не может собраться с мыслями, не может принять никакого решения.

– Ладно, – сказала Дейа. – Хорошо.

Глаза у Фарида округлились от изумления.

– Да неужели?

– Я встречусь с ним еще раз. Но при одном условии.

– Это при каком же?

– Я никуда не уеду из Бруклина.

– Не беспокойся. – На губах Фарида мелькнула скупая улыбка. – Он живет рядом, в Сансет-парке. Я знаю, ты не хочешь расставаться с сестрами.

– Пожалуйста, когда придет время, ты ведь постарайся выдать их замуж здесь же, в Бруклине? – Дейа говорила мягко, надеясь умягчить бабушку. – Постарайся, чтобы мы остались вместе? Ну пожалуйста...

Фарида кивнула. Дейе показалось, что глаза у нее увлажнились. Удивительное дело! Но бабушка, затеребив халат, тут же отвернулась.

– Разумеется, – ответила она. – Уж это-то мне по силам.

---

³ Отец

Сколько бы Фарида ни запрещала Дейе говорить о родителях, уничтожить память о них она не могла. Дейа отчетливо помнила, как узнала о смерти Адама и Исры. Ей было почти восемь лет. Стоял солнечный осенний день, Дейа сидела в своей комнате у окна, и вдруг небо на глазах потускнело. Фарида убрала со стола после ужина, помыла посуду и переоделась в халат, а потом тихонько спустилась вниз, в полуподвал, где жили девочки с родителями. В ту самую минуту, когда бабушка появилась в дверях, Дейа поняла: что-то случилось. Сколько она себя помнила, Фарида никогда к ним не заходила.

Фарида убедилась, что Амаль, младшая из четырех сестер, спит в своей колыбельке, и уселась на край кровати – к Дейе и остальным девочкам.

– Ваши родители... – Фарида сделала глубокий вдох и выпалила: – Погибли. Разбились в аварии вчера ночью.

Дальше все размывалось. Дейа не помнила, что еще говорила Фарида, не могла вызвать в памяти лица сестер. Только какие-то обрывки. Ужас. Плач. Пронзительный вопль. Она впи-лась пальцами в бедра. Ей казалось, ее сейчас вырвет. Она помнила, как выглянула в окно и заметила, что пошел дождь, – как будто мироздание горевало вместе с ними.

Фарида поднялась и, рыдая, ушла обратно наверх.

Больше о смерти родителей Дейа ничего не знала – даже теперь, почти десять лет спустя. Возможно, именно поэтому она все детство провела уткнувшись в книжку, пытаясь с помощью чужих историй разобраться в собственной жизни. Книги стали для нее единственным источником утешения, единственной надеждой. Они говорили правду, когда весь мир вокруг лгал, наставляли, как – верилось Дейе – наставляла бы ее Исра, будь она жива. Дейе столько всего нужно было понять – о собственной семье, о мире, о себе.

Она часто задавалась вопросом, одна ли она такая или есть другие люди, зачарованные словами, мечтающие нырнуть в книгу и остаться там навеки. Люди, которые надеются найти под обложкой сказку о себе, уже не чая разобраться в собственной жизни иначе. Но все равно Дейа ощущала себя одинокой – сколько бы книг ни читала, сколько бы небылиц ни придумывала. Всю жизнь она искала историю, которая помогла бы ей понять, кто она такая и каков ее путь. Но ее история была ограничена стенами ее дома – полуподвала на углу Семьдесят второй улицы и Пятой авеню, – и Дейа боялась, что никогда ее не поймет.

Вечером Дейа и ее сестры, как обычно, ужинали вчетвером, пока Фарида смотрела в зале телевизор. Не было ни перемены блюд, ни тарелочек с лимонными дольками, зелеными оливками, перцем чили и свежей питой – как когда домой приходил дед. Сестры просто сгрудились за кухонным столом, почти касаясь друг друга головами, погружившись в разговор. Время от времени они затихали, ловя доносящиеся из коридора звуки, желая убедиться, что Фарида по-прежнему в зале и не слышит их.

Младшие сестры Дейи были единственными ее подругами. Разница в возрасте между ними была мизерная, год-два, и они дополняли друг друга, как уроки в школьном расписании. Будь Дейа – сложная, причудливая, полная страстей натура – школьным предметом, то, скорее всего, она была бы рисованием. Нора, вторая по старшинству, ближайшая ее наперсница, надежная, скрупулезная, прямолинейная, была бы математикой. Именно у Норы Дейа всегда просила совета, находя утешение в ее ясных рассуждениях; именно Нора умеряла ее бьющие через край эмоции, привносила порядок в хаос ее воображения. Затем – Лейла. По мнению Дейи, Лейла походила на естествознание – пытливая, неустанно ищущая ответы на вопросы, ярая поборница логики. Младшая из четырех сестер, Амаль, в полном соответствии со своим именем – «надежда» – как никто умела верить в лучшее. Будь Амаль школьным предметом, она была бы основами религиозного воспитания. Любые рассуждения сводились у нее к тому,

что есть халяль, а что – *харам*, что – добро, а что – зло. Именно Амаль всегда возвращала сестер к Богу, привнося в их разношерстную компанию толику веры.

– Ну, как тебе Насер? – полюбопытствовала Нора, прихлебывая чечевичный суп. – Такой же чокнутый, как и предыдущий? – Она подула на ложку. – Ну этот, который требовал, чтоб ты носила хиджаб не снимая?

– Вряд ли найдется второй такой же ненормальный! – со смехом отозвалась Дейа.

– Он хотя бы симпатичный? – продолжала допытываться Нора.

– Он... ничего, – ответила Дейа и постаралась улыбнуться. Она не хотела тревожить сестер попусту. – Правда. Очень даже ничего.

Лейла прищурилась:

– Не скажешь, чтобы тебя это сильно радовало!

Дейа аж взмокла под пристальными взглядами сестер.

– Просто все это очень волнительно. Только и всего.

– Собираешься встречаться с ним снова? – поинтересовалась Амаль.

Она грызла ногти – Дейа только сейчас обратила на это внимание.

– Да. Наверное, завтра.

Нора наклонилась к Дейе, заправив за ухо прядь волос:

– А про наших родителей он знает?

Дейа кивнула, помешивая суп. Ее не удивило, что Насер в курсе произошедшего с ее родителями. Любые известия в их общине разлетаются со скоростью ветра – ведь арабы лепятся друг к другу, как куски теста, боясь затеряться среди ирландцев, итальянцев, греков и евреев-хасидов. Все арабы в Бруклине живут, будто взявшись за руки – от Бэй-Риджа до Атлантик-авеню, – и делятся друг с другом каждой сплетней. Тайн между ними нет.

– И что дальше, как думаешь? – спросила Лейла.

– Ты о чем?

– Когда ты снова с ним встретишься – о чем будете говорить?

– Надо думать, о самом главном, – ответила Дейа, приподняв бровь. – Где жить, сколько детей заводить... ну, эдакое введение в семейную жизнь.

Сестры расхохотались.

– По крайней мере, будешь знать, чего от него ждать, – сказала Нора. – Лучше так, чем потом всякие сюрпризы.

– Что да, то да. Но от Насера никаких сюрпризов, похоже, не будет. – Дейа уткнулась в свой суп. А подняв голову, весело сощурилась: – Я спросила, в чем для него заключается счастье. Угадайте, что он ответил.

– Деньги? – спросила Лейла.

– Хорошая работа? – предположила Нора.

Дейа засмеялась:

– Именно. Все как у всех.

– Ну, а чего ты ожидала? – поинтересовалась Нора. – Что он скажет – любовь? Романтика?

– Нет. Но я надеялась, он хотя бы *притворится* более оригинальным.

– Не все умеют притворяться, как ты, – усмехнулась Нора.

– Он, наверное, тоже волновался, – сказала Лейла. – А он спросил, что сделает счастливой тебя?

– Спросил.

– И что ты сказала?

– Что меня ничего не сделает счастливой.

– Зачем ты так? – удивилась Амаль.

– Просто чтобы побесить его.

– Все с тобой ясно. – Нора закатила глаза. – Впрочем, это хороший вопрос. Ну-ка, надо подумать. Что меня сделает счастливой? – Она поболтала ложкой в супе. – Свобода, – наконец сказала она. – Возможность делать все, что я хочу.

– А для меня счастье – это успех, – сказала Лейла. – Стать врачом или совершить что-то великое.

– Стать врачом в доме Фариды? О-о, удачи! – со смехом воскликнула Нора.

Лейла закатила глаза:

– ...сказала девица, которая мечтает о свободе!

Тут уж они все засмеялись.

Дейа бросила взгляд на Амаль – та по-прежнему грызла ногти и даже не притронулась к супу.

– А ты что скажешь? – Дейа тронула ее за плечо. – В чем для тебя заключается счастье?

Амаль посмотрела в окно.

– Чтобы мы всегда были вместе, – сказала она.

Дейа вздохнула. Хотя Амаль была слишком мала, чтобы помнить родителей, – когда случилась авария, ей еще и года не исполнилось, – Дейа не сомневалась, что сейчас она думает именно о них. Но потерять то, чего не помнишь, все же проще. По крайней мере, не остается никаких воспоминаний, никаких картин, некстати встающих перед глазами и разрывающих сердце. Тут Дейа завидовала сестрам. Сама она вспоминала слишком много и слишком часто, хотя все воспоминания были обрывочные и смутные, как полуразвеявшиеся сны. Пытаясь осмыслить прошлое, Дейа сплетала эти обрывки в единое повествование – с началом и концом, с идеей и моралью. Иногда она ловила себя на том, что меняет воспоминания местами, путается во времени, добавляя лоскуток то туда, то сюда, чтобы собственное детство казалось цельным и понятным. А потом уже и сама разобрать не могла: какие кусочки она и впрямь помнит, а какие просто придумала?

Хоть от супа и поднимался горячий пар, Дейе стало зябко за кухонным столом. Она снова покосилась на Амаль, рассеянно глазающую в окно. Перегнулась через стол и сжала руку младшей сестры.

– Не могу представить себе этот дом без тебя, – прошептала Амаль.

– Ну что ты такое говоришь, – укорила ее Дейа. – Я же не в другую страну уезжаю! Буду жить по соседству. И вы сможете в любое время ко мне заходить.

Нора и Лейла заулыбались, но Амаль только вздохнула:

– Я буду скучать по тебе...

– И я по тебе тоже. – Голос у Дейи дрогнул.

Свет за окном постепенно мерк, поднимался ветер. Дейа засмотрелась на кружащую в небе стайку птиц.

– Вот бы мама и баба были живы, – пробормотала Нора.

Лейла вздохнула:

– Вот бы я хоть что-нибудь о них помнила!

– И я, – добавила Амаль.

– Да я тоже помню мало, – отозвалась Нора. – Мне, наверное, лет шесть или семь было, когда они погибли.

– Но ты хотя бы лица их помнишь, – возразила Лейла. – А мы с Амаль – вообще ничего.

Нора повернулась к Дейе:

– Мама ведь была красивая, правда?

Дейа через силу улыбнулась. Она плохо помнила мамино лицо – только глаза, темные-претемные. Иногда ей хотелось заглянуть в голову к Норе, посмотреть, что она помнит о родителях, схожи ли воспоминания сестры с ее собственными. Но лучше всего, чтобы в памяти у Норы не обнаружилось ничего – ни единого воспоминания. Так было бы проще.

– Я помню, как мы все вместе ходили в парк, – проговорила Нора совсем тихо. – Устроили пикник. Помнишь, Дейа? Мама и *баба* купили нам по мороженому в рожке. Мы сидели в тенишке и смотрели, как корабли проплывают под мостом Верразано – словно игрушечные лодочки. Мама и *баба* гладили меня по голове и целовали. Я помню, как они смеялись.

Дейа промолчала. Тот день в парке был последним ее воспоминанием о родителях, но впечатления оставил совсем иные. Мать и отец сидели на противоположных краях пледа и не произносили ни слова. Насколько Дейа помнила, они вообще редко разговаривали, не говоря уж о каких-то нежностях. Она долго убеждала себя, что мама и *баба* просто очень скромные и стесняются милиться на людях. Но даже подглядывая за ними тайком, Дейа никогда не замечала никаких проявлений взаимной любви. Дейа сама не знала почему, но в тот день в парке при виде родителей, сидящих на разных краях пледа, ее охватило чувство, будто она впервые по-настоящему постигла значение слова «тоска».

Весь вечер девочки болтали о том о сем, пока не пришла пора ложиться спать. Лейла и Амаль поцеловали на ночь старших сестер и ушли к себе в комнату. Нора села рядом с Дейей на кровать и принялась теревить одеяло.

– Я хочу у тебя кое-что спросить, – пробормотала она.

– Мм?

– То, что ты сказала Насеру, – ты правда так думаешь? Ничто не может сделать тебя счастливой?

Дейа села в постели, прислонившись к изголовью.

– Да нет... впрочем, не знаю.

– Но откуда у тебя такие мысли? Я тревожусь за тебя!

Дейа ничего не ответила, и Нора придвинулась ближе:

– Скажи мне! В чем дело?

– Я не знаю, просто... Иногда мне кажется, что счастья вообще не существует – по крайней мере, для меня. Я понимаю, звучит театрально, но... – Она запнулась, пытаясь подобрать правильные слова. – Может быть, если никому не раскрывать душу и ничего не ждать от мира – тогда и не разочаруешься.

– Но ведь это ненормально – жить с таким настроением, – сказала Нора.

– Конечно, ненормально. Но так уж я устроена и ничего не могу с этим поделать.

– Не понимаю. Когда ты успела стать такой пессимисткой?

Дейа промолчала.

– Это из-за мамы и *бабы*? В них все дело? Стоит о них заговорить, у тебя всегда становится такой вид, будто ты знаешь что-то такое, чего мы не знаем. Может, расскажешь?

– Ерунда, – отмахнулась Дейа.

– А по-моему, вовсе не ерунда. Что-то там такое было.

От слов Норы у Дейи мурашки побежали по коже. Что-то было, много чего было, ничего не было. Вспомнилось, как она однажды сидела у порога родительской спальни, билась и колоутилась в дверь, звала маму. «Мама! Мама, открой! Мама, ну пожалуйста! Ты меня слышишь? Ты там? Ты откроешь, мама? Ну пожалуйста!» Но Исра так и не открыла. Дейа лежала под дверью и пыталась понять, что же она такого натворила. Какой надо быть дрянью, чтобы собственная мать тебя разлюбила?

Но Дейа знала, что как бы подробно она ни описала и этот эпизод, и бесконечное множество других, Нора никогда до конца не поймет, что она тогда чувствовала.

– Не переживай, прошу тебя, – сказала она. – Со мной все в порядке.

– Точно?

– Точно.

Нора зевнула и потянулась.

– Тогда расскажи какую-нибудь историю, – попросила она. – Чтобы мне приснился хороший сон. Расскажи о маме и *бабе*.

Этот ритуал – рассказывать историю на ночь – зародился, когда погибли их родители, и соблюдался уже много лет. Дейа ничего не имела против, но не так уж много она могла – или хотела – воскрешать в памяти. Рассказывать историю – это не просто воспоминания ворошить. Нужно выстроить связный сюжет, решить, о каких деталях лучше умолчать.

Например, Норе вовсе не обязательно знать, как вечерами Дейа ждала отца, прижимаясь лицом к стеклу так плотно, что наутро болел нос. Изредка, когда Адам являлся домой еще до того, как Дейю укладывали спать, он подхватывал ее на руки и озирался, дожидаясь, когда и Исра выйдет поздороваться. Но Исра не здоровалась с ним никогда. Она даже в глаза ему не смотрела, когда он переступал порог дома, никогда не улыбалась ему. Самое большее – стояла в углу прихожей, в лице – ни кровинки, челюсти крепко сжаты.

Но бывало и хуже: иногда по ночам Дейа лежала в постели и слушала крики Адама и рыдания матери за стеной, а потом еще более ужасающие звуки. Удар о стену. Пронзительный вопль. Снова крик Адама. Она зажимала уши, зажмуривала глаза, сворачивалась клубочком и рассказывала про себя какую-нибудь сказку – пока не стихнет шум и не смолкнут мольбы матери: «Адам, пожалуйста... Адам, перестань...»

– О чем ты думаешь? – спросила Нора, вглядываясь в сестру. – Что вспоминаешь?

– Ничего, – отозвалась Дейа, хотя чувствовала, что лицо выдает ее. Иногда Дейе казалось, что она грустит не своей грустью, а грустью матери, что, когда Исра умерла, все ее скорби переселились в Дейю.

– Ну, сколько можно! – проворчала Нора, выпрямляясь. – По тебе же все видно. Расскажи мне все как есть!

– Да нечего рассказывать. И вообще уже поздно.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста! Скоро ты выйдешь замуж, и тогда... – Ее голос упал до шепота. – У меня же ничего от них не осталось, кроме твоих воспоминаний...

– Ладно, – вздохнула Дейа. – Я расскажу тебе, что помню.

Она села ровнее и откашлялась. Но правды она Норе не рассказала. А рассказала очередную историю.

Исра *Весна 1990 года*

Исра прилетела в Нью-Йорк на следующий день после свадьбы, рейсом из Тель-Авива, который длился целых двенадцать часов. Город она впервые увидела с воздуха, когда самолет заходил на посадку в аэропорту Джона Кеннеди. Широко распахнув глаза, она прижалась носом к иллюминатору. Это была любовь с первого взгляда. Исру заморозили безупречные многоэтажные здания, сотнями вырастающие вниз. Сверху Манхэттен выглядел таким тоненьким, что казалось – небоскребы, слишком тяжелые для этого крошечного клочка земли, вот-вот переломят его пополам. По мере того как самолет снижался, Исру все больше захлестывал восторг. Манхэттен из игрушки превращался в громаду, его башни и крепости взмывали вверх, словно фейерверки, невероятные в своей высоте и мощи. Исра ощущала себя песчинкой, однако не могла не восхититься их красотой – небоскребы словно попали сюда из сказки. Прочти она тысячу книг, это не сравнилось бы с чувством, охватившим Исру, когда она жадно вбирала в себя открывшееся ей зрелище.

Когда самолет приземлился, Манхэттен по-прежнему виднелся на горизонте – бледный силуэт в голубоватой дымке. Если прищуриться, казалось, что она снова в горах Палестины, а здания вдали – это пыльные холмы ее родины. Теперь Исре не терпелось повидать здесь все.

– Это Квинс, – сказал Адам, когда они, выйдя из аэропорта, встали в очередь на такси.

В минивэне Исра забралась на задний ряд к окошку, надеясь, что Адам сядет рядом, но вместо него к ней залезли Сара и Фарида.

– До Бруклина, где мы живем, минут сорок пять езды, – объяснил Адам, устраиваясь с братьями в среднем ряду. – Если, конечно, в пробках не застрянем.

Разглядывая Квинс из окна такси, Исра так таращила глаза, что они слезились на мартовском солнце. Она все надеялась вновь увидеть великолепные здания, которыми любовалась из самолета, но нигде их не находила. Она видела лишь бесконечные серые дороги, изгибающиеся и утыкающиеся сами в себя, да сотни машин, с неумолчным рокотом несущихся мимо. Адам предупредил, что до поворота на Бруклин осталось две мили, и Исра заметила, что таксист перестроился в левый ряд, следуя указателю, гласившему: «Белт-Паркуэй – съезд».

Они ползли по узкому шоссе так близко к воде, что Исра опасалась, как бы такси ненароком не скатилось вниз и не утонуло. Плавать она не умела.

– Почему мы едем у самой воды? – выдавила она, глаза на большой корабль вдали. Над ним кружила стая птиц.

– Погоди, это еще что, – откликнулся Адам. – Вот скоро будет мост...

И мост действительно появился – прямо перед ними, серебристый, длинный, изящный, похожий на птицу, которая, расправив крылья, парит над водой.

– Это мост Верразано, – сказал Адам, глядя, как у Исры расширились глаза. – Красавец же?

– Да, – в ужасе пролепетала она. – Мы по нему поедem?

– Нет, – ответил Адам. – Он соединяет Бруклин со Статен-Айлендом.

– А он не упадет? – прошептала она, не в силах отвести взгляд от надвигающегося на них моста.

По голосу мужа было ясно, что он улыбается:

– Да вроде пока ни разу не падал.

– Но он такой тощенький! Как будто в любую минуту может сломаться.

Адам засмеялся.

– Не дрейфь, – сказал он. – Мы в величайшем городе мира. Здесь все построено самыми лучшими архитекторами и инженерами. Просто наслаждайся видом.

Исра честно попыталась расслабиться. Халед, сидевший впереди, хмыкнул.

– Ну точь-в-точь Фарида, когда она в первый раз увидела этот мост. – Он обернулся к жене. – Ей-богу, она со страху чуть не разревелась!

– Ну конечно, рассказывай! – буркнула Фарида, но Исра заметила, что она и сейчас, когда они тащатся под мостом, сидит как на иголках. Когда такси наконец вынырнуло с другой стороны, Исра тяжело выдохнула: какое счастье, что мост на них не рухнул!

Только когда они съехали с Белт-Паркуэй, Исра впервые увидела Бруклин. Он оказался не таким, как она ожидала. Если Манхэттен сражал наповал, иначе и не скажешь, то Бруклин по сравнению с ним казался каким-то невзрачным, совершенно недостойным такого соседства. Кругом только унылые кирпичные здания, покрытые рисунками и граффити, многие уже совсем ветхие, да люди, с мрачным видом прокладывающие себе путь сквозь толпу. Это зрелище озадачило Исру. В детстве она часто задумывалась, какой он – мир за пределами Палестины: так же ли он красив, как те места, о которых она читала в книгах? Исра была уверена, что он оправдывает ее самые смелые ожидания, и, разглядывая Манхэттен, с восторгом мечтала назвать этот мир своим домом. Но теперь, глядя из окна такси на Бруклин, на размалеванные стены и фасады, Исра поневоле засомневалась, не обманули ли ее книги, – может, мама была совершенно права, когда говорила, что куда бы она ни уехала, многого от жизни ждать не надо?

– Мы живем в Бэй-Ридже, – сказал Адам, когда таксист остановился у ряда старых кирпичных домов.

Исра, Фарида и Сара стояли на тротуаре, пока мужчины выгружали чемоданы. Держа в одной руке чемодан Исры, другой рукой Адам обвел окрестности.

– Тут живет много нью-йоркских арабов, – сказал он. – Ты будешь чувствовать себя как дома.

Исра осмотрелась. Семья Адама жила на длинной улице, вдоль которой тянулись дома, притиснувшиеся друг к другу, словно книги на полке. Большая часть – из красного кирпича, с эркерами на фасаде. В каждом – два этажа и полуподвал; ко входной двери ведет короткая узкая лесенка. От тротуара дома отгорожены железными калитками. Вид очень чинный – никаких сточных канав и мусора под ногами, дорога асфальтированная, не грунтовая. Но зелени почти никакой – только шеренга кленолистных платанов вдоль тротуара. Орехи и ягоды собирать негде, балкона нет, палисадника тоже. Хоть бы задний двор был.

– Вот мы и дома, – сказал Адам, когда они подошли к калитке дома номер 545.

Отпер дверь и повел Исру внутрь.

– Жилье здесь довольно тесное, – сказал он, пока они шли по коридору. Исра про себя согласилась. Из коридора был виден весь первый этаж. Слева зала, в конце коридора – кухня. Справа – лестница на второй этаж, а за ней едва приметная дверь в спальню.

В зале Исра огляделась. Комната меньше, чем в родительском доме, но обставлена богато. На полу – турецкий ковер, бордовый с золотым узором. Такой же узор украшал бордовые кушетки, три диванные подушки и длинные, плотные шторы. В углу приютился потрепанный кожаный диван, словно его случайно забыли вынести. Рядом с ним стояла сверкающая золотая ваза.

– Нравится? – спросил Адам.

– Очень красиво.

– Света и воздуха, конечно, маловато, с домом не сравнить, – его взгляд остановился на задернутых шторах. – Но так уж тут все устроено – что поделаешь?

Какая-то нотка, прозвучавшая в его голосе, напомнила Исре, как они сидели на балконе и Адам скользил взглядом по виноградным лозам, словно не мог насытиться тем, что видит. Ей стало интересно, не тоскует ли он по Палестине, не хочет ли туда вернуться.

– Скучаешь по дому? – Она вздрогнула от звука собственного голоса и потупилась.

– Да, – отозвался Адам. – Очень.

Исра покосилась на него – Адам по-прежнему не сводил взгляда со штор.

– Думаешь когда-нибудь вернуться?

– Может быть, когда-нибудь, – отозвался он. – В лучшие времена.

Он развернулся и зашагал по коридору. Исра последовала за ним.

– Родители живут здесь, на первом, – сказал Адам, указывая на дверь в спальню. – Комнаты Сары и братьев наверху.

– А мы где будем? – спросила она, надеясь, что у них в спальне хотя бы будет окно.

Он указал на закрытую дверь в конце коридора:

– Внизу.

За дверью обнаружилась лестница. Адам сделал приглашающий жест рукой, и Исра послушно двинулась вниз, недоумевая, как они будут тут жить. Если и наверху света почти нет, то что ждет в полуподвале? Она еле различала мелкие ступеньки. Темнота залила все вокруг. Исра спускалась, вытянув вперед руки, и свет, падающий сверху, мерк с каждым шагом. Добравшись до подножия лестницы, она пошарила по стене в поисках выключателя. Сквозь кончики пальцев в тело прокрался холод. Наконец нащупав рычажок, Исра нажала на него.

Первое, что она увидела, – огромное зеркало в позолоченной раме. Чудно: зачем оно нужно в таком мрачном, необжитом месте? Что толку от зеркала, когда кругом темнота и нет света, который оно могло бы отразить?

Осматриваясь в полумраке, она вошла в первую комнату цокольного этажа. Комната была тесная и пустая – четыре серые стены, совершенно голые, если не считать окна слева и закрытой двери посередине. За дверью обнаружилась еще одна комната, чуть попросторней, с небольшой двуспальной кроватью, маленьким комодом и большим зеркалом. Возле зеркала притулился шкаф, а рядом со шкафом – дверь, ведущая в ванную. Это и есть их спальня, сообразила Исра. Окон в ней не было.

Она бросила взгляд на собственное отражение в зеркале. Маленькая, хрупкая фигурка, лицо – бледное и тоскливое в электрическом свете. Перед ней стояла девушка, которая должна была отбиваться и кричать, когда мать затягивала на ней свадебное платье, молить и рыдать, когда отец усаживал ее в такси до аэропорта. Но она оказалась трусихой. Исра отвернулась. «Отныне это единственное знакомое лицо, которое мне суждено видеть, – подумала она. – И даже на него смотреть тошно».

Наверху, на кухне, витал земляной аромат шалфея. Фарида заваривала чай. Сгорбившись над плитой, она невидящим взглядом смотрела на пар. Исре невольно вспомнилась мармария в родительском саду: мама каждое утро срезала несколько листочков и добавляла в чай – это помогало Якубу от несварения. Исре стало любопытно, выращивает ли Фарида мармарию, как ее мать, или покупает сушеный шалфей на рынке.

– Вам помочь, *хамати*? – предложила Исра, шагнув к плите. Она впервые назвала Фариду свекровью.

– Нет-нет-нет! – Фарида замотала головой. – Не называй меня *хамати*. Просто Фарида.

За всю свою жизнь Исра ни разу не слышала, чтобы к замужней женщине обращались по имени. Ее мать всегда называли не Саусан, а Умм Валид – «мать Валида», старшего сына. Даже тетю Исры Видад, у которой сыновей не было, по имени не звали. Для всех она была Март Джамаль – жена Джамала.

– Не люблю это слово, – пояснила Фарида, заметив замешательство невестки. – Сразу чувствую себя старухой.

Исра улыбнулась и перевела взгляд на кипящий чай.

– Накрой-ка на стол, – сказала Фарида. – Я сейчас что-нибудь приготовлю.

– А где Адам?

– Ушел на работу.

– А-а...

Исра думала, что сегодня он побудет дома, может, погуляет с ней по округе, покажет Бруклин. Кто же идет на работу на следующий день после свадьбы?

– Отец дал ему небольшое поручение, – добавила Фарида. – Он скоро вернется.

Почему это поручение не могли выполнить его братья? Вопрос вертелся у Исры на языке, но она побоялась сказать что-то не то. Вместо этого она, кашлянув, спросила:

– Омар и Али пошли с ним?

– А вот где эти гаврики шляются, я понятия не имею! – отозвалась Фарида. – С мальчишками хлопот не оберешься – уходят и приходят когда вздумается! Попробуй за ними уследи. Это тебе не девочки! – Она протянула Исре стопку тарелок. – Да ты поди и сама знаешь – у тебя же есть братья.

Исра слабо улыбнулась:

– Да, конечно.

– Сара! – крикнула Фарида.

– Да, мама, – откликнулась Сара из своей комнаты наверху.

– Спускайся и помоги Исре накрыть на стол! – велела Фарида. И повернулась к Исре: – Не хочу, чтоб она решила, будто может плевать в потолок, раз в доме появилась ты. Так и до беды недалеко.

– А она много по дому делает? – поинтересовалась Исра.

– А как же! – отозвалась Фарида и, подняв глаза, увидела Сару в дверях. – Ей одиннадцать лет – уже почти женщина! Да когда я была в ее возрасте, моей матери вообще ничего по хозяйству делать не приходилось. Я долму кастрюлями делала и тесто на всю семью месила.

– Ну, ты же не ходила в школу, мама, – возразила Сара. – Вот у тебя и было время. А у меня на одну домашку сколько часов уходит!

– Домашка твоя подождет, – отрезала Фарида, передавая ей ибрик. – Давай-ка, наливай чай, да поживее!

Сара разлила чай по четырем чашкам. Исра обратила внимание, что, несмотря на понукания Фариды, она особо не торопится.

– Чай готов? – раздался мужской голос.

Исра обернулась и увидела на пороге Халеда. Она окинула свекра любопытным взглядом. Густые седые волосы, желтая кожа вся в морщинах. Он не смотрел Исре в глаза – может, ему неловко, оттого что на ней нет хиджаба? Но носить хиджаб при нем она не обязана. Он ее свекор, а значит, по шариату, *махрам* – все равно что родной отец.

– Ну, как тебе Бруклин, Исра? – спросил Халед, окидывая взглядом стол. Хотя черты его лица давно расплылись, а борода поседела и поблекла, Исра не сомневалась, что в молодости он был хорош собой.

– Здесь очень красиво, *ами*, – ответила Исра, готовая к тому, что ему, как и Фариде, не понравится обращение «свекор».

Фарида посмотрела на мужа и усмехнулась:

– Теперь ты «*ами*», старик!

– Да и ты уже не девочка, – с улыбкой отозвался Халед. – Ладно. – Он жестом пригласил всех к столу. – Пора нам всем подкрепиться.

Исра сроду не видела на столе столько еды. Хумус с говяжьим фаршем и кедровыми орешками. Жареный сыр халлуми. Яичница. Фалафель. Зеленые и черные оливки. Йогуртовый сыр лабне с заатаром. Свежая пита. У них дома никогда такого изобилия не было – даже во время Рамадана, когда мама готовила их самые любимые кушанья и Якуб раскошеливался на мясо. Пар от одного блюда смешивался с паром от другого, и на кухне наконец-то запахло домашним уютом.

Фарида повернулась к Халеду:

- Что сегодня делаешь?
- Не знаю. – Он обмакнул кусок хлеба в оливковое масло и заатар. – А что?
- Сходи со мной в город.
- А куда тебе там нужно?
- В мясную лавку и в бакалею.

Исра старалась не пялиться на Фариду. Хотя свекровь была немногим старше мамы, сходства между ними не было никакого. В голосе Фарида не звучало ни малейшего страха, в присутствии Халеда она не опускала глаза. Интересно, он ее бьет?..

– А мне обязательно идти с вами, *баба*? – спросила Сара, сидевшая напротив. – А то я устала.

– Можешь посидеть дома с Исрой, – отозвался отец, даже не взглянув на нее.

Сара вздохнула с облегчением:

– Слава богу! Ненавижу ходить за продуктами.

Исра смотрела, как Халед прихлебывает чай – похоже, дерзость Сары его совершенно не трогала. Посмей Исра заговорить с Якубом в таком тоне, тут же получила бы оплеуху. Но, может быть, в Америке родители детей не бьют? Исра попыталась представить, как бы она жила, если бы росла в Америке, в доме Халеда и Фарида.

Халед пошел собираться. Исра и Сара тоже поднялись из-за стола и начали относить в раковину тарелки и чашки. Фарида осталась сидеть, попивая чай.

– Фарида! – позвал Халед из коридора.

– *Шу*? Чего тебе?

– Плесни-ка мне еще чайку.

Фарида закинула в рот шарик фалафеля, явно не торопясь обслужить мужа. Исра в смущении и тревоге смотрела, как свекровь потягивает чай. Когда же она нальет Халеду еще чашку? Может, вызваться налить самой? Исра покосилась на Сару, но та, похоже, ничего страшного в происходящем не видела. Исра заставила себя расслабиться. Может, в Америке принято так разговаривать с мужьями. Может, здесь все-таки живут по-другому.

Адам явился домой под вечер.

– Одевайся, – велел он. – Пойдем прогуляемся.

Исра постаралась не выказать волнения. Она стояла в гостиной у окна – разглядывала платаны и не могла оторваться. Ей было интересно, какой у них аромат – древесный, или сладкий, или вообще какой-нибудь совсем ей незнакомый. К Адаму Исра не повернулась, чтобы тот не увидел, как у нее запылали щеки.

– Позвать Фариду с нами? – спросила она.

– Да нет, не надо, – засмеялся Адам. – Чего она в Бруклине не видела!

Спустившись вниз, в спальню, Исра встала перед квадратным зеркалом на стене и стала соображать, что надеть. Примерила хиджабы разных цветов. Дома она бы надела лавандовый с серебристыми бусинами. Но в Америке?.. Может, выбрать черный или коричневый, чтобы не выделяться? Или все же нет? Наверное, лучше надеть светлый – в нем она будет смотреться свежее и веселее.

Исра как раз прикладывала к лицу золотисто-зеленый платок, когда вошел Адам. Он как-то недовольно покосился на хиджаб и – в зеркале все было видно – стиснул зубы. Не сводя взгляда с ее головы, он направился к Исре, и с каждым его шагом ее сердце бешено подпрыгивало в груди. Он смотрел на хиджаб так, как смотрел в тот день на балконе, и только теперь Исра поняла, что это значит: хиджаб ему не по вкусу.

– Платок можешь не надевать, – сказал Адам.

Исра в ужасе застыла.

– Серьезно. – Он сделал паузу. – Понимаешь, людям здесь все равно, прикрыты у тебя волосы или нет. Нет никакой нужды их прятать.

Исра не знала, что сказать. Всю жизнь ее учили, что порядочная мусульманка должна носить хиджаб. Что скромность – главная добродетель женщины.

– А как же наша вера? – пролепетала она. – Как же Бог?

Адам взглянул на нее с жалостью:

– Нам здесь приходится соблюдать осторожность, Исра. Сюда каждый день прибывают беженцы, люди из разных стран бегут в Америку от войны. Среди них есть арабы. И мусульмане. И арабы-мусульмане, как мы. Но проживи мы здесь хоть всю жизнь – американцами нам никогда не стать. Когда ты надеваешь хиджаб, намерения у тебя самые благие, но американцы смотрят на это по-другому. Они не увидят в тебе ни скромности, ни добронравия. А увидят лишь отщепенца, чужака. – Он вздохнул и, подняв голову, встретился с ней глазами. – Все это очень сложно. Но приходится приспосабливаться – ничего другого нам не остается.

Размотав хиджаб, Исра положила его на кровать. Она и представить себе не могла, что когда-нибудь выйдет на люди с непокрытой головой. Но стоя перед зеркалом и глядя, как струятся по спине длинные черные пряди, она опять почувствовала надежду. Может быть, сегодня она наконец узнает, какова на вкус свобода. Какой смысл отказываться, не попробовав?

Собравшись, они вышли из дома. Ступив за порог, Исра тут же принялась нервно крутить прядь волос. Адам, казалось, этого не замечал. Он сказал, что настоящий Бруклин ни на машине, ни на метро не посмотришь – только пешком. Они зашагали по тротуару. Луна сияла в беззвездном небе, озаряя расцветающие деревья. Миновав длинный ряд притиснутых друг к другу домов, именовавшийся Семьдесят второй улицей, они завернули за угол – и Исре показалось, будто она внезапно перенеслась в совершенно другой мир.

– Это Пятая авеню, – сказал Адам. – Сердце Бэй-Риджа.

Куда ни посмотри, всюду сверкали огни. По обеим сторонам улицы выстроились всевозможные заведения: булочные, рестораны, аптеки, нотариальные конторы.

– Бэй-Ридж – один из самых разношерстных районов Бруклина, – рассказывал Адам на ходу. – Здесь живут иммигранты со всех концов света. Это и по еде видно: пельмени, кюфта, рыбное рагу, хлеб-хала. Видишь вон те магазины? – Адам указал куда-то вдаль. – Весь ряд принадлежит арабам. На углу магазин халяльного мяса, «Альсалим», там мой отец закупается каждое воскресенье, а вон там ливанская кондитерская – они каждое утро пекут свежий хлеб на садже. Во время Рамадана запекают лепешки с плавленым сыром, сиропом и кунжутом – прямо как дома.

Исра, как зачарованная, разглядывала магазины. Пахло тут привычно: котлетками кеббе из булгура с мясом, шаурмой с ягнятиной, густой приторностью пахлавы и даже немного яблочным кальяном. Висели в воздухе и другие знакомые запахи. Свежий базилик. Жир, скопившийся в трубах. Канализация, пот. Все это благоухание и зловоние смешивалось, превращаясь в единое целое, и на мгновение Исре почудилось, будто она провалилась сквозь растрескавшийся тротуар и очутилась дома.

Вокруг сновали люди: толкали коляски и тащили пакеты с продуктами, разноцветными мячиками вкатывались в магазины и выкатывались обратно на улицу. На американцев, как себе их представляла Исра, – женщины с ярко-красной помадой на губах, мужчины в черных деловых костюмах – они совершенно не походили. Наоборот, многие женщины выглядели точно так же, как она: простая, скромная одежда, у многих даже хиджаб на голове. А мужчины были как Адам – с оливковой кожей и жесткой бородой, в рабочей одежде.

Глядя на знакомые лица, проплывающие по Пятой авеню, Исра не знала, что и думать. Все эти люди, точно так же, как она с Адамом, живут в Америке и стараются приспособиться.

Однако хиджабы не снимают, остаются собой. Так почему же Адам настаивает, чтобы она себя изменила?

Но, заглядевшись на прохожих, Ибра вскоре и думать забыла о хиджабе. Ее мыслями полностью завладели те, кто гулял под фонарями, – жители Америки, но не американцы, женщины, которые так похожи на нее: лишились дома, брошены в другую культуру и вынуждены начинать все с нуля. Ибра шла и гадала, что же ждет ее впереди.

В этот вечер Ибра легла рано. Адам пошел в душ, и больше всего ей хотелось забыться раньше, чем он вернется. Это была первая ночь, которую ей предстояло провести с ним наедине, и Ибра знала, что ее ждет, если вовремя не заснуть. Знала, что он проникнет в нее. Знала, что это будет больно. А еще знала – хотя пока как-то не верилось, – что получит от этого удовольствие. Так говорила мама. Но Ибра была не готова. Она лежала в кровати, закрыв глаза и пытаясь ни о чем не думать. Казалось, она несется сломя голову по какому-то замкнутому кругу.

Она слышала, как Адам в ванной закрыл воду, отдернул занавеску, хлопнул дверцей и принялся копаться в шкафчике над зеркалом. Она прикрылась одеялом, как щитом. Тихонько лежа на холодной простыне, Ибра сквозь щелочку между веками увидела, как Адам вошел в комнату. На нем не было ничего, кроме банного полотенца, и Ибра увидела все как есть – поджарое золотистое тело, жесткие волосы на груди. Секунду Адам постоял, глядя на нее, словно ожидая, что она тоже на него посмотрит, но Ибра не могла заставить себя раскрыть глаза. Он снял полотенце и сделал шаг к ней. Ибра зажмурилась, размеренно дыша и стараясь расслабиться. Но стоило Адаму приблизиться, как тело ее словно окаменело.

Он забрался на кровать, отдернул одеяло и потянулся к ней. Ибра отпрянула и оказалась на самом краю постели – вот-вот упадет. Но он схватил ее и вдавил в матрас. И навалился сверху. В лицо Ибре ударил табачный запах из его рта. Руки у нее бешено тряслись, она вцепилась в свою кремовую ночную сорочку. Он отодрал ее руки, стащил сорочку и белье – белоснежный гарнитур, который мама дала ей для этой самой ночи: пусть Адам знает, что она чистая девушка. Но Ибра себя чистой не чувствовала. Наоборот – грязной и перепуганной.

Адам крепко сжал бедра Ибры, пригвоздив к кровати ее бьющееся тело. Она так и лежала, зажмурившись, когда он развел ее ноги, и стиснула зубы, когда он вошел в нее. Раздался крик. Неужели это она так кричит?.. Она боялась открыть глаза. В темноте было что-то надежное, родное. На Ибру вдруг нахлынули воспоминания о доме. Она видела, как бежит по широкому полю, как рвет с деревьев фиги, приберегая самые лучшие для мамы, которая ждет на вершине холма с пустой корзиной. Как играет в шарики во дворе и гонится за ними, когда они норовят укатиться вниз по склону. Как дует на одуванчики на кладбище и читает молитву над каждым надгробием.

Что-то потекло по ее бедрам – кровь, поняла Ибра. Она старалась не обращать внимания на жгучую боль между ног, словно тело насквозь пробили кулаком, старалась не думать о том, что она в чужой комнате с чужим мужчиной, вспоровшим ее сокровенное нутро. Почему же мама не предупредила о чувстве бессилия, которое накрывает женщину, когда в нее проникает мужчина, о стыде, который переполняет женщину, когда ее принуждают сдать, принуждают лежать смиренно и терпеть? Но так, наверное, и должно быть, сказала себе Ибра. А как иначе?..

Она лежала, а Адам продолжал свои толчки – туда-сюда, туда-сюда, – пока наконец, резко ускорившись, не испустил глубокий вздох и не рухнул на Ибру. Затем соскользнул с нее и выбрался из кровати.

Ибра перекатилась на живот и зарылась лицом в простыню. В комнате было темно и холодно, по телу побежали мурашки, и она натянула на себя одеяло. Куда он делся? Но тут из ванной донеслись его шаги. Вот Адам щелкнул выключателем, открыл шкафчик. Выключил свет и вернулся в комнату.

Исра не знала почему, но в этот момент ей показалось, что пришла ее смерть. Она ясно вообразила, что Адам сейчас полоснет ее ножом по шее, выстрелит ей в грудь, сожжет ее заживо. Исра и сама не знала, почему в голову полезли такие ужасы. Но, распластанная на матрасе, она только и видела, что мрак и кровь.

Она ощутила, как он приближается, и сердце бешено заколотилось. Его лица она не видела, но почувствовала, как он коснулся ее колен, и инстинктивно отпрянула. Он опять придвинулся. Медленно развел ее ноги. И прижал салфетку к ее разодранной плоти.

А потом кашлянул и сказал:

– Прости. Но так полагается.

Дрожа всем телом, Исра подумала о Фариде. Представила себе, как днем свекровь пробралась в ванную и, украдкой улыбаясь, сунула в шкафчик чистые салфетки для сына. Исра прекрасно поняла, что Адам делает. Салфетка – это доказательство.

Дейа Зима 2008 года

– Летом мы поженимся, – сказала Наима за обедом.

Все двадцать семь учениц выпускного класса Дейи сидели за одним столом. Сама она устроилась в дальнем углу, прислонившись, как обычно, к стене и опустив голову. Одноклассницы шумели, взахлеб делились радостями и горестями. Дейа в их болтовне не участвовала – только слушала.

– Свадьба будет в Йемене, где Суфьян живет, – продолжала Наима. – У нас там много родственников – так всем будет удобнее.

– Так ты уезжаешь в Йемен? – поинтересовалась Лубна. Она тоже летом собиралась замуж – за троюродного брата из Нью-Джерси.

– Ага, – гордо ответила Наима. – У Суфьяна там собственный дом.

– Но как же твои родные? – удивилась Лубна. – Ты же будешь там совсем одна!

– Я не буду одна! Со мной же будет Суфьян.

Уже не первый месяц Дейа молча слушала подробные рассказы Наимы о ее делах сердечных: как родители прошлым летом возили ее в Йемен, чтобы подыскать жениха, как она встретила там ковродела Суфьяна и мигом влюбилась. Их семьи прочли молитву фатиха после первых же смотрин, а к концу месяца пригласили шейха и подписали брачный договор. Когда кто-нибудь из одноклассниц спрашивал, как она поняла, что Суфьян и есть ее *насиб*, Наима отвечала, что читала молитву *Салят аль-Истихара*, умоляя Всевышнего наставить ее, и той же ночью улыбающийся Суфьян явился ей во сне – значит, свадьбе быть, решила ее мать. «Мы так любим друг друга!» – твердила Наима, вне себя от восторга.

– Но ведь ты его почти не знаешь, – сказала Дейа.

Слова сами сорвались с языка.

Наима в изумлении уставилась на нее.

– Как это не знаю? – воскликнула она. – Конечно, знаю! Мы уже четыре месяца перезваниваемся. Я чуть не сотню долларов в неделю просаживаю на телефонные карточки.

– Но это вовсе не значит, что ты его знаешь, – возразила Дейа. – Даже если с человеком видишься каждый день, узнаешь его далеко не сразу – что уж говорить о том, кто живет в другой стране.

Одноклассницы таращились на нее, но Дейа не сводила глаз с Наимы.

– Ты не боишься?

– А чего мне бояться?

– Совершить ошибку. Разве можно вот так просто уехать в другую страну к незнакомому человеку и рассчитывать, что все будет хорошо? Разве можно... – Она запнулась, чувствуя, как заколотилось сердце.

– Но так все делают, – возразила Наима. – Ехать в другую страну – совершенно нормально. Главное, чтобы любовь была.

Дейа покачала головой:

– Но нельзя же любить человека, которого не знаешь!

– Тебе-то откуда знать? Ты хоть раз влюблялась?

– Нет.

– Вот и не говори о том, чего не понимаешь!

Дейа промолчала. Возразить было нечего. Она еще ни разу не влюблялась. Говоря по правде, она вообще никакой любви не ведала, кроме почти материнского чувства к сестрам. Но много знала о ней из книг – достаточно, чтобы понимать, что в ее жизни любви нет. Куда ни кинь взгляд, глаза слепили всевозможные виды любви, словно Бог потешался над Дейей.

Из окна своей комнаты она часто смотрела на матерей с колясками, на детей, сидящих на плечах у отцов, на парней и девушек, держащихся за руки. Сидя в очереди у врача, она листала журналы, на страницах которых неистово улыбались счастливые семьи, обнимались парочки, – даже лица женщин, сфотографированных в одиночестве, светились любовью к самим себе. В мыльных операх, которые она иногда смотрела с бабушкой, любовь была якорем, клеем, на котором держался мир. А когда дедушка с бабушкой не видели, она лазила по американским каналам, и там тоже все крутилось вокруг любви. И только сама Дейа неприкаянно болталась на волнах жизни, мечтая уцепиться за что-нибудь еще, кроме сестер. Как бы сильно она их ни любила, этого все равно мало.

Но что значит «любовь»? Любовь – это Исра, уныло глазающая в окно и не желающая даже взглянуть на Дейю; любовь – это Адам, которого вечно нет дома; любовь – это бесконечные попытки Фарида избавиться от обузы и сбыть внучку замуж; любовь – это родственники, которые не приезжают даже на праздники. Наверное, в этом вся беда. Наверное, именно поэтому она не чувствует себя на одной волне с одноклассницами, не может посмотреть на мир их глазами, не может поверить в ту любовь, в которую верят они. Потому что их мамы и папы с нетерпением ждали их появления на свет, потому что их с детства кутали в одеяло семейной любви, потому что они никогда не отмечали день рождения в одиночестве. Потому что после скверного дня они могут выплакаться в чьих-то объятиях, потому что всю жизнь они слышат ласковое «Люблю тебя!». Их любят – поэтому они верят в любовь и убеждены, что она ждет их и в будущем. Даже там, где она точно их не ждет.

– Я передумала, – объявила Дейа деду с бабкой вечером, когда они вместе сидели в зале.

За окном шел снег, и Халед не пошел, как обычно, играть в карты в кальянной – в холода артрит особенно его донимал. В такие вечера Халед играл в карты с внучками, и, когда он тасовал колоду, на его губах появлялась – редкое дело – улыбка, а в углах глаз – веселые морщинки.

Дейа любила эти вечера: Халед рассказывал им о Палестине, правда, все больше грустное. Но это помогало ощутить связь с семейной историей – такой далекой. Давным-давно у семьи Халеда был красивый дом в Рамле, с крышей из красной черепицы, а на деревьях во дворе зрели сочные апельсины. Но когда ему было двенадцать, в их землю вторглись израильские солдаты и под дулами автоматов отправили местных жителей в лагерь беженцев. Халед рассказывал, как его отца заставили встать на колени, тыча винтовкой в спину, как более семисот тысяч палестинских арабов выбросили из их собственных домов и обрекли на скитания. «Это была Накба, – говорил Халед, и глаза у него темнели. – Катастрофа».

Они играли в ханд, палестинскую карточную игру, и Халед, прежде чем раздать карты, перетасовал две колоды. Дейа взяла свои четырнадцать карт и окинула их взглядом, а потом повторила еще раз – громче:

– Я передумала.

Она почувствовала, как переглянулись сестры. Сидевшая рядом на диване Фарида переключила телевизор на «Аль-Джазиру».

– Передумала насчет чего?

Дейа замялась. Хотя она говорила по-арабски всю жизнь, хотя именно арабский был ее первым языком, иногда трудно было подобрать нужные слова. Арабская речь должна была бы даваться ей так же легко, как английская, и, как правило, Дейа не испытывала никаких затруднений, но иной раз ощущала тяжесть на языке, и приходилось на долю секунды задуматься над словами, которые она собиралась произнести – правильные ли? После того как погибли ее родители, по-арабски с Дейей говорили только дедушка и бабушка. С сестрами и в школе она говорила по-английски, и все ее книги тоже были на английском.

Дейа опустила карты и откашлялась:

– Я не хочу опять сидеть с Насером.

– Что? – Фарида уставилась на нее. – Это еще почему?

Дейа видела, как смотрит на нее Халед, и с мольбой взглянула ему в глаза:

– Пожалуйста, *сидо*! Я не хочу выходить замуж за человека, которого не знаю.

– Невелика беда, скоро узнаешь, – отозвался Халед, вновь утыкаясь в карты.

– Может, если бы я хоть несколько семестров проучилась в колледже...

Фарида швырнула пульт на диван:

– Опять колледж? Сколько раз мы уже обсуждали этот бред?

Халед бросил на Дейю пронзительный взгляд. Хоть бы оплеуху не влепил...

– А всё эти книжки! – негодовала Фарида. – Забивают тебе голову всякими глупостями! –

Она вскочила и всплеснула руками. – Вот скажи, зачем ты читаешь?

Дейа скрестила руки на груди.

– Чтобы узнавать новое.

– Что за новое, о чем?

– Обо всем.

Фарида замотала головой:

– Есть вещи, которые можно узнать только из жизни – никакие книжки тебя им не научат!

– Но...

– *Бикафи!* – рявкнул Халед. – Хватит!

Четыре сестры тревожно переглянулись.

– Колледж подождет, сначала замуж. – Перетасовав карты, Халед посмотрел на Дейю: –

Фамех? Поняла?

Она вздохнула:

– Да, *сидо*.

– А что до книг... – Он снова устремил взгляд на карты. – Я не понимаю, что плохого в чтении.

– *Еще как* понимаешь! – рявкнула Фарида, вытаращив на мужа глаза. Но Халед на нее не смотрел. Подбородок у Фарида затрясся.

– Ничего плохого я в книгах не вижу, – продолжал Халед, изучая свои карты. – А вот то, что ты их запрещаешь, – очень даже плохо. – Он наконец перевел взгляд на Фарида: – Не думаешь же ты, что от *них* может приключиться какой-то вред?

– Вред приключится, только если мы будем во всем потакать этим девчонкам!

– Потакать? – Дед не сводил глаз с Фарида. – А тебе не кажется, что мы и так их чересчур опекаем? Каждый день после школы они идут напрямик домой, помогают тебе по хозяйству, носу на улицу без нас не кажут. У них ни мобильных, ни ноутбуков, с мальчиками они не разговаривают, у них и подруг-то почти нет! Они хорошие девочки, Фарида, и ты оглянуться не успеешь, как все они повыходят замуж. Так что успокойся.

– Успокоиться? – Она уперла руки в боки. – Тебе легко говорить! Это я их берегу как зеницу ока, это я слежу, чтобы о них слова дурного никто не мог сказать, пока они не выйдут замуж! Скажи-ка, на кого повалятся все шишки, если что-то случится? А? Кто окажется во всем виноват, когда они нахватаются из своих книжек невесть чего?

Атмосфера в комнате неуловимо изменилась. Халед покачал головой.

– Это расплата за то, что мы поселились в этой стране, – проговорил он. – За то, что покинули родину и бежали сюда. Дня не проходит, чтобы я не усомнился: правильно ли мы поступили? Может, следовало остаться и бороться за родную землю... И пусть бы нас убили солдаты! И пусть бы мы умерли с голоду! Все лучше, чем удрать сюда и потерять самих себя, свои устои... – Его бормотание стихло.

– Ерунда, – отмахнулась Фарида. – Сам знаешь, что все это пустые разговоры. Прошрое – это прошрое, и от сожалений никому легче не станет. Мы можем только жить дальше и делать все, что в наших силах. И заботиться о внучках!

На это Халед ничего не ответил. Вздохнул и сказал, что ему, пожалуй, пора в душ. Сестры наводили порядок в зале, когда на пороге появилась Фарида.

– Пойдем со мной, – сказала она Дейе.

И повела ее к себе в спальню. Открыв шкаф, Фарида принялась копаться в его недрах. Наконец выудила старую книгу и протянула внучке. Волна тепла окатила Дейю, когда она стерла пыль с корешка. «Тысяча и одна ночь» на арабском. Эта книга принадлежала маме – Дейа сразу ее узнала.

– Открой, – велела Фарида.

Дейа послушно открыла, и из книги выскользнул конверт. Она медленно приподняла язычок. Внутри лежало письмо на арабском. В темноте спальни Дейа с трудом разобрала:

12 августа 1997 года

Дорогая мама,

я сегодня в ужасном состоянии. Не понимаю, что со мной происходит. Каждое утро я просыпаюсь с очень странным чувством. Лежу в постели, и вставать не хочется. И видеть никого тоже. Думаю только о смерти. Я знаю, Богу не угодно, чтобы люди кого-то лишали жизни – себя ли, других ли людей, – но избавиться от этих мыслей не могу. Моя голова работает сама по себе, меня она не слушается. Что со мной творится, мама? Внутри меня происходит что-то жуткое. Мне страшно.

Твоя дочь

Исра

Дейа перечитала письмо еще раз, и опять, и снова. Представила себе мать – вечно мрачную, не улыбочивую, – и в душе вспыхнул страх. Неужели это возможно? Неужели мать убила себя?

– Почему ты мне раньше этого не показывала? – воскликнула Дейа, вскакивая с кровати и размахивая письмом у лица Фарида. – Столько лет ты отказывалась говорить о ней – и хранила это письмо?

– Я не хотела омрачать твою память о ней, – отозвалась Фарида, спокойно глядя на внучку.

– Тогда зачем показываешь мне это письмо сейчас?

– Потому что хочу, чтобы ты поняла. – Она взглянула Дейе прямо в глаза: – Я знаю, ты боишься повторить судьбу матери, но у Исры, упокой Господь ее душу, не все было в порядке с головой.

– Что значит – не все в порядке с головой?

– Ну, ты же прочитала письмо. Твоя мать была одержима джинном.

– Одержима? – повторила Дейа, не веря собственным ушам. Но в глубине души заскреблось сомнение. – Скорее всего, это была обычная депрессия! Ей было нужно ко врачу сходить. – Она встретилась взглядом с Фаридой. – Джиннов не существует, *тема*.

Фарида, нахмурившись, покачала головой:

– Тогда почему вот уже не одну тысячу лет по всему свету из людей изгоняют злых духов, а? – Она придвинулась ближе и вырвала письмо у Дейи. – Не веришь мне – почитай свои книжки. И поймешь, что я права!

Дейа промолчала. Неужели мама и впрямь была одержима? Ее вдруг оглушило непрошеное воспоминание – из тех, что она старалась стереть из памяти. Однажды Дейа пришла домой из школы и застала Исру на лестнице, ведущей в полуподвал: мама прыгала со ступенек вниз. Она кидалась с лестницы снова и снова, обхватив себя обеими руками и раскрыв рот, пока не заметила дочь.

– Дейа, – пробормотала Исра, смутившись. Поспешно поднялась на ноги и побрела в глубь цокольного этажа. – Твоя сестра заболела. Сходи наверх, принеси с кухни лекарство.

Дейа не могла забыть чувство, охватившее ее в тот миг, – словно все в животе закрутилось узлом. Она хотела сказать Исре, что тоже больна. И тут не насморк, не температура – тут кое-что похуже; только вот словами этот недуг не опишешь. Но разве болезнь – это только физическое недомогание? А если не все ладно в душе? Разве то, что творится внутри у Дейи – с самого раннего детства, – не болезнь?

Дейа откашлялась. Что, если Исра действительно была одержима? Это объяснило бы и подобные воспоминания, и письмо; объяснило бы, почему мать думала о смерти...

Дейа вскинула взгляд на Фариду:

– Когда было написано это письмо?

Фарида тревожно посмотрела на внучку:

– А что?

– Мне нужно знать, когда мама его написала.

– Да какая разница! – отмахнулась Фарида. – Не забивай себе голову ерундой. Я просто хотела, чтобы ты поняла: в несчастьях твоей матери был виноват не брак. Пора тебе это уяснить и жить дальше.

– Скажи мне, когда она написала это письмо! – потребовала Дейа. – Я не отстану, пока не скажешь!

Фарида вздохнула с раздражением:

– Хорошо.

Вынула конверт из «Тысячи и одной ночи» и снова его открыла.

Дейа сразу увидела дату – 1997 год. Внутри все словно оборвалось. Именно в этом году погибли родители. Разве такое может быть простым совпадением? Вдруг мать погибла вовсе не из-за автокатастрофы?

Дейа взглянула на Фариду:

– Скажи мне правду.

– О чем?

– Моя мать покончила с собой?

Фарида отшатнулась:

– Что?

– Она покончила с собой? И поэтому ты всегда избегала о ней говорить?

– Ну разумеется, нет! – воскликнула Фарида. Взгляд ее метался по полу. – Выдумашь тоже!

Но Дейа почувствовала, как она разнервничалась, и сомнений не осталось: Фарида что-то скрывает.

– Откуда мне знать, что ты не лжешь? Ты и это письмо сколько лет от меня скрывала! – Дейа сверлила бабушку взглядом, но Фарида не поднимала глаз. – Она покончила с собой, да?

Фарида вздохнула:

– Что бы я ни сказала, ты мне все равно не поверишь.

Дейа сощурилась:

– Как это понимать?

– Беда в том, что ты вся в мать. Такая же ранимая. – Фарида подняла взгляд и наконец-то встретилась глазами с Дейей. – Ты мне не поверишь, что бы я сейчас тебе ни рассказала.

Дейа отвернулась. Неужели так и есть? Выходит, ее страхи – не пустые, и мама посеяла в ней семя печали, от которой теперь никуда не деться?

– Ну, посмотри на меня, – примирительно проговорила Фарида. – Я, может, многого в жизни не понимаю, но в одном уверена: чтобы жить дальше, прошлое надо оставить позади. Это я знаю точно – ты уж мне поверь.

Исра *Весна 1990 года*

Исра проснулась с чувством, будто ее укачало и тошнит. Удивилась, почему на рассвете ее не разбудили далекие звуки азана. И вспомнила: она же в Бруклине, в двенадцати тысячах миль от дома, в постели мужа. Она вскочила на ноги. Но кровать была пуста, Адама нигде не видно. При воспоминании о минувшей ночи Исру захлестнул стыд. Она сглотнула, пытаясь подавить это чувство. Что толку заикливаться? Такова жизнь.

Исра прошла по спальне, потрогала деревянную кровать и тумбочки, которые занимали все небольшое пространство от стены до стены. Почему же тут нет окна? Она с тоской вспомнила ночи, когда читала у открытого окна своей комнаты, поглядывая на луну, светящую над Бирзейтом, слушая шепот кладбищ, и звезды на ночном небе сияли так ярко, что у нее мурашки бежали по коже. Исра пошла в соседнюю комнату – туда, где все же было окно. Оно находилось на уровне земли: за лестницей, ведущей к парадной двери, виднелась плотная шеренга домов и только совсем вдалеке – полоска неба. Америка вроде бы страна свободы – почему же здесь все так тесно и узко?

На Исру накатила усталость, и она снова легла в постель. Фарида предупреждала: организму понадобится несколько дней, чтобы приноровиться к смене часовых поясов. Когда на закате Исра наконец проснулась, Адама все еще не было дома, и она подумала: неужели ему не хочется побыть с ней? Может, она чем-то не угодила ему прошлой ночью, когда он овладел ею? Оказалась слишком холодна? Но откуда же ей было знать, что делать? В любом случае Адаму следует проявить терпение, научить ее кое-чему. Он-то наверняка спал с другими женщинами до брака – Исра в этом не сомневалась. Хотя Коран запрещает внебрачные связи как женщинам, так и мужчинам, мама говорила, что мужчины постоянно совершают *зинну* – прелюбодеяние, что они просто не могут иначе.

Адам пришел ближе к полуночи. Исра, сидевшая у окна, слышала, как он спустился по лестнице, видела, как зажег свет в цокольном этаже. Он вздрогнул, заметив ее: Исра притулилась у окна, обняв руками колени, как ребенок.

– Ты что сидишь в потемках?

– Просто на улицу смотрю.

– Я думал, ты спишь.

– Да я и так весь день спала.

– А. – Он отвернулся. – Ну, раз так, может, сварганишь мне что-нибудь поесть, пока я сполоснусь. Я голодный как волк.

В холодильнике Фарида аккуратно расставила тарелки с рисом и курицей, затянув их пищевой пленкой и пометив на каждой имена сыновей. Исра нашла порцию Адама и разогрела в микроволновке. А потом накрыла на стол, как учила мама. стакан с водой справа, ложка слева. Два теплых ломтя питы. Мисочка зеленых оливок и несколько долек помидора. И заварить ибрик мятного чая. Как раз когда чайник засвистел, в дверях появился Адам.

– Пахнет изумительно, – сказал он. – Это ты готовила?

– Нет. – Исра покраснела. – Я почти весь день проспала. Это все твоя мать оставила.

– А, понятно.

По его тону ничего нельзя было понять, но Исре стало неуютно: вдруг он ею недоволен?

– Завтра я обязательно приготовлю тебе ужин.

– Да уж, изволь. Твой отец говорил, что ты хорошо готовишь.

Да так ли уж хорошо?.. Исра никогда об этом не задумывалась, вообще не рассматривала это как какой-то особый талант.

– И что из тебя слова лишнего не вытянешь, он тоже предупреждал.

Если до этого лицо у Исры было розовое, то теперь наверняка стало малиновым. Она открыла рот, чтобы ответить, – но не смогла издать ни звука.

– Да не смущайся ты, – сказал Адам. – Если человек любит помолчать, в этом нет ничего стыдного. По мне, так даже и лучше. А то придешь домой, а там жена постоянно зудит в ухо – удовольствие ниже среднего.

Исра кивнула, хотя не очень понимала, с чем соглашается. Адам принялся за еду, а она сидела за столом и разглядывала мужа, гадая, способен ли он подарить ей ту любовь, о которой она грезит. Пристально всматривалась в его лицо, пытаясь найти хоть каплю тепла. Но отсутствующий взгляд темно-карих глаз Адама был устремлен куда-то мимо нее, в неведомую даль, как будто он забыл, что Исра сидит перед ним.

Адам вновь посмотрел на нее, только когда они улеглись в постель. Поймав его взгляд, она улыбнулась в ответ.

Эта улыбка удивила ее не меньше, чем его. Но Исра во что бы то ни стало хотела сделать мужу приятно. Прошлой ночью он застал ее врасплох, но теперь она знала, чего ждать. Она говорила себе, что, если улыбаться и изображать удовольствие, вполне вероятно, оно придет само собой. Может быть, чтобы Адам полюбил ее, нужно не выказывать ни тени сопротивления. Давать ему то, что он хочет, и делать это с радостью. Что ж, это ей по силам. Она отдаст ему себя и взамен получит его любовь.

Про Америку Исра все поняла быстро. Несмотря на все надежды, что в этой стране женщины, возможно, живут иначе, оказалось, что в общем все здесь устроено точно так же. А местами даже и хуже. Адама она целыми днями почти не видела. Каждое утро он уходил в шесть, чтобы успеть на поезд до Манхэттена, и возвращался только к полуночи. Она дожидалась его в спальне, все прислушивалась: не хлопнула ли дверь, не топает ли он по лестнице? И всегда находилась причина, почему его так долго не было. «Проторчал на работе допоздна», – говорил он. «Пришлось кое-что подлатать у отца в магазине». «В час пик было столько народу, что я даже в вагон втиснуться не смог». «Встречался с друзьями в кальянной». «Сел играть в карты и сам не заметил, как время пролетело». Даже если он приходил домой пораньше, все равно никуда жену не водил. Часами сидел перед телевизором, задрал ноги на журнальный столик и потягивая чай, пока Исра с Фаридой хлопотали на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.